

Всем, кто любит кота... Боба

Натали Кокс

НЕ ТОЛЬКО НА

Рождество

«ЗАБАВНАЯ, БЛЕСТЯЩАЯ КНИГА!» СОФИ КИНСЕЛЛА

Подарок от Боба (АСТ)

Натали Кокс

Не только на Рождество

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(4 Вел)-44

Кокс Н.

Не только на Рождество / Н. Кокс — «Издательство АСТ»,
2018 — (Подарок от Боба (АСТ))

ISBN 978-5-17-117629-7

Чарли ненавидит праздники, и этот год обещает стать худшим в ее жизни. Бойфренд ушел к другой, а у соседей из-за утечки газа произошел взрыв, превративший квартиру Чарли в руины. Оставшись в одиночестве, с легким сотрясением мозга и временно бездомной, Чарли принимает приглашение двоюродной сестры Джек, которая живет в Девоне и держит собачью гостиницу. Однако вряд ли Чарли удастся провести тихие выходные – Джек внезапно уезжает, и гостю придется присматривать за гостиницей, обращаться за помощью к местному ветеринару, синеглазому и надменному Кэлу, принимать новых постояльцев – например, глухого дога, владелец которого красив, как древнегреческий бог, но, увы, помолвлен, или невероятно породистого сеттера, которого привезла хозяйка – вылитая Круэлла Де Виль. Чарли кажется, что все вокруг идет кувырком, но, возможно, у нее появился шанс узнать что-то новое о жизни, о себе самой и... о любви.

УДК 821.111(73)

ББК 84(4 Вел)-44

ISBN 978-5-17-117629-7

© Кокс Н., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Натали Кокс

Не только на Рождество

Эта книга посвящена памяти Талли, шоколадного лабрадора, моего преданного друга, задушевного компаньона и собачьей музы последних пятнадцати лет, и Грейс, щенку датского дога, которая теперь в равной мере испытывает мое терпение и вдохновляет.

Natalie Cox
Not Just For Christmas

Впервые опубликовано в Великобритании в 2018 г.
издательством *Orion Publishing Group*.

Публикуется с разрешения литературных агентств
Lutyens & Rubinstein и *Anna Jarota Agency*

© И. Литвинова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Т. С. Элиот¹ был неправ. Самый жестокий из всех месяцев – декабрь. Потому что если вас не добьет разгул меркантильности в преддверии Рождества, это сделает унылая лондонская погода. Нынешним утром, по дороге на работу, когда лило как из ведра, а мне нужно было отвечать на электронные письма, я погрузилась в размышления обо всех неправильностях предстоящих каникул. И сам собою нарисовался список из *Десяти пунктов, которые меня бесят в Рождество*:

1) Фраза «Счастливого Рождества», подразумевающая пожелание, но больше смахивающая на приказ, что мгновенно вызывает у меня желание ослушаться.

2) Та же фраза на иностранных языках: *Feliz Navidad, Joyeux Noel, Yuletide Greetings*. Если я не хочу слышать ее на английском, то не хочу и по-французски или по-испански.

3) Корпоративные рождественские вечеринки, которые на самом деле не что иное, как жалкое оправдание для женатых коллег, которые напиваются и позволяют себе всякие вольности. (За исключением Шона из финансового отдела. Этот парень, поскольку он холост, может подкатывать ко мне в любое время.)

4) Пьяные гуляки в подземке. Такие, как тот обрызгший парень в короне из цветной бумаги, который заснул рядом со мной вчера вечером на Северной линии² и пускал слюни мне на пальто. Справедливости ради признаюсь, что мое исполнение куплетов «Санта, детка» на Юбилейной линии³ в прошлый четверг тоже привлекло немало недовольных взглядов. Но меня подбадривали мои спутники. Еще менее трезвые, чем я.

5) По-дурацки огромные круги сыра чеддер на вечеринках вместо нормальной еды. При всей моей любви к сыру мне нужны и булочки с колбасой.

6) Глинтвейн. Почему все сходят с ума от дешевого болгарского красного вина, сильно сдобренного сахаром и специями? Тем более что после него гарантировано чудовищное похмелье на следующее утро. Вот как у меня сейчас.

¹ Томас Стернз Элиот (более известный под сокращенным именем Т. С. Элиот, 1888–1965) – американско-британский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1948 года. Ему принадлежит цитата: «Апрель – самый жестокий из всех месяцев». *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Северная линия – линия Лондонского метрополитена, пролегающая с севера на юг.

³ Юбилейная линия или Джубили – десятая по счету линия Лондонского метрополитена, связывающая северо-запад Лондона с его восточной частью.

7) Шоколадные адвент-календари⁴. Это просто какое-то маркетинговое бешенство. Лучше умять гигантский батончик «Кэдбери» в первый день декабря и разом покончить с этим.

8) Тематические диснеевские праздничные украшения, особенно те, что на Оксфорд-стрит. Когда дело доходит до Голливуда на Рождество, нам следует, подражая Нэнси Рейган, *просто сказать нет*⁵.

9) Поздравительные открытки с фотографиями потомства, которые прячутся, как мины, в моем почтовом ящике, напоминая, что мне тридцать один год, а я еще и не думала плодиться.

10) Эльфы. Надоедливые персонажи. Во всяком случае, большинство из них.

Справедливости ради я, пожалуй, составлю конкурирующий список того, что мне *нравится* в Рождестве:

1) Сладкие пирожки.

2) Живые елки (те, что приятно пахнут и, способствуя глобальному потеплению, станут источником невыразимых страданий для будущих поколений).

3) Рождественские каникулы.

Конечно, соотношение 10:3 не назовешь оптимальным, поэтому, наверное, мне придется поработать над вторым списком. Ну а пока, прокладывая локтями путь вдоль Оксфорд-стрит, я отчаянно пытаюсь понять, в чем прелесть этого праздника. В наши дни Рождество больше напоминает пародию на себя: остатки очарования викторианской эпохи давно подавлены Черной Пятницей и специальным рождественским выпуском передачи *Top Gear*. На Бонд-стрит я вынуждена пробиваться сквозь толпу возбужденных японских туристов, фотографирующих неоновую-оранжевую елку (что стало с серебряной и золотой?). Затем я обхожу дородную пожилую женщину, увитую гирляндами ярко-красной мишуры, которая агрессивно гремит и тычет мне в лицо жестяной банкой, что можно расценить как нападение со стороны благотворителей. Дело не в том, что я не приветствую щедрость во время Рождества, просто, честно говоря, мне не верится, что Иисус намеревался назначить святилище ослов бенефициаром всей этой доброй воли. Даже если ослы и *присутствовали* при его рождении.

Я ныряю в переулок, добираюсь до своего любимого итальянского кафе и с облегчением распахиваю дверь. Внутри завсегдатаи жмутся к чашкам капучино, а набитые доверху пакеты с покупками, как верные спаниели, лежат у их ног. В дальнем конце зала я замечаю свою подругу Шан – ее щеки пылают, а пепельные волосы уложены на макушке в художественном беспорядке. Я пробираюсь между столиками и плюхаюсь в кресло напротив нее.

– О, – усмехаюсь я. – Ты и прическу ради меня соорудила.

– Чтобы ты не посмела сказать, что я не прилагаю никаких усилий, – отвечает Шан, приглаживая непослушный клубок. Шан, как обычно, не идет на уступки женственности, будучи сама себе хозяйкой. – Держи. – Она пододвигает ко мне кружку какао, и я делаю бодрящий глоток.

– Скорей бы Новый год, – вырывается у меня. – Я сыта по горло Рождеством, а идет только вторая неделя декабря.

– И тебя с наступающим Рождеством.

– Должна предупредить, что настроение у меня не очень-то праздничное.

– Это что, типа спойлер? – Шан выгибает бровь.

⁴ Рождественский календарь – традиционный в Европе календарь для отслеживания времени до наступления Рождества; по традиции это открытка или картонный домик с открывающимися окошками, где в каждой ячейке лежит конфета, записка с пожеланиями или подарок.

⁵ «Просто скажи “нет” – социальная кампания, часть американской программы «Война с наркотиками», получившая широкое распространение в 1980-х и в начале 1990-х годов. Слоган был придуман и использован первой леди Нэнси Рейган в годы президентства ее мужа.

Внезапно я подаюсь вперед, подозрительно разглядывая ее одежду.

– Умоляю, скажи, что это не рождественский джемпер?

Шан распахивает пальто, открывая взгляду ярко-красный свитер с богатой вышивкой оленьей головы на груди. Кончик каждого рога украшен крошечным колокольчиком.

– Это Оуэн выбрал, – с гордостью говорит она.

– С каких пор ты прислушиваешься к модным советам трехлетнего карапуза?

– У него на удивление хороший вкус. На днях он отговорил меня от покупки фиолетового бархатного комбинезона, что стало бы чудовищной ошибкой.

– А это настоящие колокольчики?

В ответ она покачивается на стуле, так что слышно тихое позвякивание. Я мотаю головой.

– Не будь такой букой, – говорит Шан. – Я люблю Рождество.

– А я – нет. И в этом году отказываюсь отмечать. Так что не жди от меня подарка.

– Ты не можешь отказаться от Рождества.

– Увидишь.

Шан подозрительно прищуривается.

– И что настроило тебя на такую волну?

– «Капитал рейдио»⁶. Сегодня утром я проснулась под звуки песен стареющих рок-звезд, которые отчаянно пытаются спасти свои карьеры, вновь призывая меня накормить мир. Им уже пора бы знать, что я даже себя не могу прокормить.

– Я тебе не верю.

– Это правда. – Я пожимаю плечами. – Я никогда не была фанаткой Рождества. Так что в этом году я не только Скрудж, но еще и снова одинокий Скрудж. Поэтому решила во всем потакать своему внутреннему брюзге.

– А как же твоя мама? Она не услышит рождественских гимнов в твоём исполнении на Ковчеге?

Моя грозная мать и ее пятый муж Ричи несколько лет назад вышли на пенсию, продали всю недвижимость и переехали в плавучий дом в Маленькой Венеции⁷, который Шан тотчас окрестила Ковчегом. Они вечно заваливаются ко мне, когда на лодке барахлит сантехника, что случается довольно часто, особенно в холодную погоду. К счастью, в этом году они решили поставить лодку в сухой док и сбежать на зиму в теплые края.

Я качаю головой.

– Не в этом году. Они уехали в Мельбурн к моему сводному брату и его отпрыскам.

– Тогда тебе определенно следует приехать к нам на праздники.

– Нет, спасибо.

– Почему нет? Это будет здорово! Ты сможешь начинать колбасным фаршем задницу индейки, а я буду накачивать моих тетюшек-старушек просекко, пока они не рухнут в пьяном угаре на диван.

– Его запихивают в полость шеи.

– Кого?

– Колбасный фарш.

Шан хмурится.

– Да знаю я.

– Как бы заманчиво твое предложение ни звучало, я – пас.

– Послушай, Чарли. Я не позволю тебе провести праздники в хандре, тоскуя о Том-Кого-Нельзя-Называть.

⁶ Capital Radio – лондонская круглосуточная коммерческая радиостанция; передает преимущественно популярную музыку и развлекательные программы.

⁷ Район Лондона; точка соединения внутригородского Риджентс-канала с каналом Гранд-Юнион, тянущимся до самого Бирмингема.

- Лайонел. Его зовут Лайонел. И я не хандрю.
- Вот и хорошо. Потому что он этого не заслуживает.
- Но я все равно не приеду к вам на Рождество.

Почти весь обеденный перерыв уходит на то, чтобы убедить Шан в серьезности моих намерений. Если честно, у меня нет ни малейшего желания проводить праздники с кем бы то ни было. Я планирую отсидеться в своей квартире в Нанхедде с коробкой шардоне, бесконечно пересматривая старые черно-белые фильмы с Одри Хепберн. Лайонел терпеть не мог смотреть фильмы по телевизору, поэтому теперь, когда он съехал, я наконец могу себя побаловать. Закусывать я собираюсь мармеладными мишками, пиццей с анчоусами и чипсами со вкусом барбекю – короче, всем, что он тоже ненавидел. На самом деле, только теперь я начинаю понимать, насколько многого я себя лишила за те четыре года, что мы прожили вместе. Чтения в постели (ему мешал свет); кроссвордов (он находил их утомительными); консервированного куриного супа с лапшой (он заявлял, что там полно вредных добавок); пения под душем (Лайонел был первым, кто сказал мне, что я фальшивлю). В жизни одиночек полно плюсов, уверяю я Шан: больше свободного места в гардеробной, меньше грязной посуды, можно ложиться спать в чем угодно.

Наконец мне удается убедить Шан, что я *в полном порядке*, но, возвращаясь вечером домой, я чувствую, как в душу привычно закрадываются сомнения. Честно говоря, моя, казалось бы, стабильная жизнь перевернулась в одно мгновение, и я все еще барахтаюсь, пытаюсь понять, что произошло. Странно, но мой разрыв с Лайонелом ускорило анонимное письмо, присланное по электронной почте. Возможно, я бы никогда не открыла вложение, если бы на глаза не попался подзаголовок: *Камера не умеет лгать*. И ведь не обманула, чертовка: фотография Лайонела, занимающегося сексом с сочной брюнеткой на гребном тренажере, выглядела вполне убедительно, демонстрируя его спутанные, потемневшие от пота волосы, и ее груди, болтающиеся, как плохо надутые воздушные шары.

Когда я показала ему фото, Лайонел признался, что вот уже больше года спит со своим персональным тренером. И заверил, что их отношения не рассчитаны на длительную перспективу. Это что-то вроде хрупких конструкций-временок, которые поддерживают общественные ожидания и устаревший институт брака. Он обшарил глазами кухню, и обрадовался при виде чайника, который схватил, чтобы проиллюстрировать аналогию. То, что случилось с нами, неизбежно, сказал он. Сначала отношения складывались гладко, со временем пошли трещинами, пока не сломались окончательно и не потребовали замены. Как чайник.

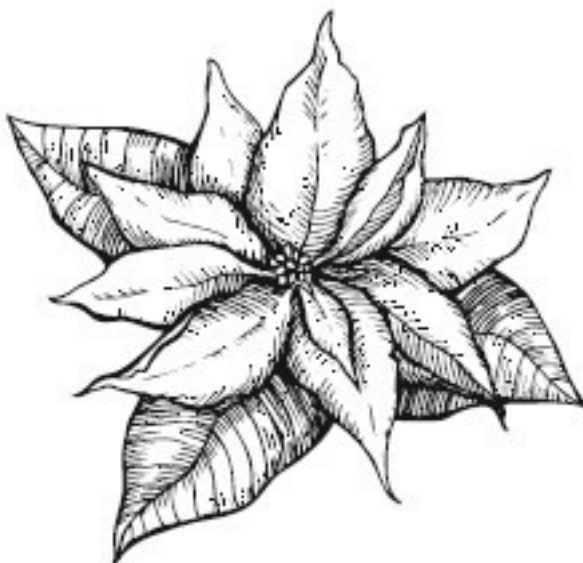
Словом, меня обменяли на прибор нового поколения. Поначалу я была раздавлена и опустошена. У меня вызвало недоумение то, что моя замена не так изящна и мила, как следовало ожидать, и я все ломала голову, испытывать ли мне облегчение или злиться по этому поводу. Мы с Лайонелом были вместе четыре года. И первые годы я была без ума от него. Да что там, мы оба были без ума друг от друга. Впрочем, наши отношения медленно, но верно портились, и, хотя четыре года – не вечность, я быстро прикинула, что это более миллиарда двухсот миллионов секунд моей жизни. Лайонел украл их у меня – или, может, я сама отдала их ему. Но в любом случае вернуть их невозможно. Более миллиарда секунд *меня* ушли навсегда. И теперь мне предстоит извлечь максимум из того, что осталось.

В ту ночь, когда Лайонел ушел от меня, считанных часов (может, десяти тысяч секунд) хватило, чтобы моя тоска сменилась злостью. Но уже через несколько дней на смену злости пришло смирение. Я поймала себя на мысли, что, возможно, Лайонел прав: может, романтика – это и *в самом деле* выдумка нашего времени. Может, ее состряпали из самых скудных ингредиентов, чтобы удовлетворить нашу неистребимую тягу к ней, и, может, любовь сама по себе такая же ненадежная, как тостер. Чем больше я думала об этом, тем больше задавалась вопросом, можно ли назвать *любовью* мои чувства к Лайонелу, или это что-то другое. Что же свя-

зывало нас все эти годы? Привычка? Покой? Безопасность? Удобство? Возможно, все вместе. Может, из них и складывается любовь? Или же они просто сводятся к целесообразности?

За эти годы я насмотрелась на своих подруг, которые прозябают в отношениях с партнерами, не оправдывающими их ожиданий. И, возможно, сама того не желая, я угодила в ту же ловушку. Но теперь я твердо намерена не повторить такой ошибки в будущем: лучше быть одной, чем довольствоваться суррогатом. И, заползая той ночью в постель в спортивных штанах, фланелевой рубашке и безразмерных носках, я знаю, что, если сумею пережить следующие несколько недель, январь принесет свежие перспективы. Эта мысль все еще кружит ленивой мухой в моей голове, когда взрыв сотрясает квартиру.

Глава 2

Видимо, мне *несказанно* повезло. Во всяком случае, так говорит мне наутро медсестра-нигерийка в отделении неотложной помощи, тщательно обрабатывая мои раны йодом. Сотрясение мозга, ушибы ребер, ссадины и другие поверхностные повреждения – ничто по сравнению с тем, что могло бы со мной случиться в результате взрыва газа у соседа сверху. Кто-то наверняка хранит меня, заявляет она, с пугающей свирепостью задергивая занавеску вокруг моей кровати.

В ответ я помалкиваю: мое определение везения не включает в себя машину «скорой помощи», больничное судно и риск воздействия смертоносных воздушно-капельных патогенов. В следующее мгновение я мельком замечаю двоих санитаров в дальнем конце палаты, которые с трудом сдерживают пьяного. Мужчина с перепачканным лицом кренился набок, с грохотом сдвигая к стене прикроватную тумбочку на колесах, прежде чем его бесцеремонно подхватывают под руки, удаляя из поля моего зрения, тем самым лишая меня единственного развлечения. Медсестра исчезает, и я со вздохом откидываюсь на подушку.

Под потолком натянуты две тонкие серебристые нити, похожие на змей из мишуры, а к стене приклеен плакат с Сантой в стиле пятидесятых годов прошлого века. Но вместо улыбки на лице ретро-Санты гримаса: раскрасневшийся и сердитый, он выглядит так, будто его сейчас повезут на каталке оперировать желудок. В дальнем углу палаты с полдюжины самодельных бумажных снежинок прилеплены к окну, а на посту медсестер в коридоре кособочится крошечная елка. Совокупный эффект от всех этих усилий тянет на трагическое геройство. Кажется, практически невозможно разжечь дух Рождества в палате NHS⁸, но благослови их Господь за попытку.

Если это можно назвать удачей, взрывом пробило дыру в потолке моей спальни, и меня накрыло летящими обломками. Зазубренный кусок трубы врезался в подушку, едва не угодив мне по лбу, но огромный кусок потолка свалился точно на живот, и теперь я чувствую себя так, словно проглотила вагон строительной пыли. В голове пульсирует боль, а грудь словно провер-

⁸ National Health Service – Национальная служба здравоохранения; государственное учреждение в Великобритании, созданное в 1948 году, с целью обеспечить всем жителям страны возможность получать бесплатную медицинскую помощь.

нули через мясорубку. Под утро я попыталась дозвониться отцу и сообщить, что произошло. Отца я давно избрала в наперсники: он не отличается практичностью, зато всегда посочувствует. Но, когда он не ответил, я отправила маме сообщение с тщательно отредактированным отчетом о ночных событиях, преуменьшая масштаб трагедии.

Похоже, я сделала глупость. В считанные минуты последовал безумный телефонный звонок из Мельбурна. Мама пребывала в полноценном кризисном режиме, требуя подробностей инцидента, имена и контакты врачей и прочее. В тот момент я чувствовала себя слишком дерьмово, чтобы отбиться от нее, но теперь сожалею, что мне не хватило присутствия духа. Тем более что в конце монолога она отчитала меня за проживание в *халупе* (не очень-то справедливо, мысленно отметила я, учитывая, что сама она обитает на воде, и умалчивая о том, как часто она являлась ко мне, чтобы принять душ) и упрекнула в отсутствии у меня частной медицинской страховки.

Из сумки снова доносится настойчивое жужжание. Я протягиваю руку и вытаскиваю телефон.

– Привет, мам.

– Как ты? Что-нибудь изменилось?

– Я в порядке.

– Ни двоения в глазах, ни тошноты?

– Честное слово, у меня всего лишь несколько синяков. Через пару дней буду как огурчик.

– Не глупи, Чарли. Ты явно в шоке. Тебе нельзя оставаться одной. Твоя кузина Джек уже едет в Лондон. Она заберет тебя с собой в Девон.

– Мам, я не могу ехать в Девон! Мне надо работать.

– Никакой работы. Я говорила с твоим боссом, и он дает тебе отпуск до конца недели.

– Он *согласился* на это? – Откровенно говоря, я поражена. Мой невыносимый босс Карл – самый несимпатичный человек на планете, особенно когда дело доходит до любого рода недомоганий. Тебя должна сразить лихорадка Эбола, чтобы он сообразовал дать отпуск по болезни.

– Он, конечно, немного поворчал, но я напомнила ему об уставных обязанностях работодателя.

Господи! Да он сократит меня в два счета! При мысли о том, как моя мать звонит Карлу и выдвигает ему ультиматум, головная боль пульсирует еще сильнее. Кроме того, с июня прошлого года в коридорах шепчутся о грядущей реорганизации. Мне нужно вернуться на работу как можно скорее; иначе я лишусь места, прежде чем прозвучит слово «увольнение».

– И врач сказала, что никаких ЖК-экранов как минимум неделю.

– Я уверена, что она просто перестраховывается, мам.

– Не говори глупостей. Сотрясение мозга – это очень серьезно. Абсолютно необходимо, чтобы ты отдохнула и полностью восстановилась. – Моя мать всегда упивается бедствиями, вот и сейчас ее голос звенит от радостного возбуждения. Я вздыхаю, зная, что возражать бесполезно.

– Хорошо. Я поеду в Девон на несколько дней. Но только пока в моей квартире идет ремонт. – Я надеюсь, что он завершится в самые короткие сроки.

– Свежий воздух пойдет тебе на пользу, Шарлотта. И животные окажут благоприятный терапевтический эффект.

Господи. Я совсем забыла о собаках. Моя кузина Джек управляет престижным питомником, который рекламируют как своего рода роскошный отель для домашних животных. Он называется «Собачий уют», а вместо клеток или загонов собак держат в отдельных *люксах*. Есть клубные люксы, представительские люксы и даже пентхаус, просторнее, чем вся моя квартира. В каждом люксе установлена миниатюрная кровать (в комплекте с одеялом и подушками), и имеется окно с видом на площадку для выгула. Есть даже бассейн для гидротерапии, и

предоставляются услуги шофера по доставке собак из дома в гостиницу и обратно. Мама прекрасно знает, что я не *собачница* (эвфемизм для неудачника, по ее мнению), так что последняя реплика звучит почти как издевательство. И, хотя я люблю кузину Джек (и всегда восхищалась ее предприимчивостью, даже если она предполагает заискивание перед богатеями), при мысли о том, чтобы провести Рождество в собачьей гостинице в окружении твякающих раскормленных терьеров, вместо того чтобы валяться дома на диване с обширной коллекцией DVD, мне хочется плакать.

После разговора с матерью я, совершенно разбитая, размышляю о том, как в одночасье рухнула моя жизнь. Еще пару недель назад я чувствовала себя счастливой в отношениях (хотя и с неверным мужчиной), имела хорошо оплачиваемую работу айтишника (с отвратительным боссом) и проживала в доступной (пусть даже не слишком обустроенной) квартире. Теперь я временно бездомная, одинокая и, скорее всего, безработная. Как и почему все это произошло? Чем я это заслужила? Я не религиозный человек, но всегда интуитивно придерживалась буддийского взгляда на вещи, который сводится к нехитрой мысли: *что посеешь, то и пожнешь*. Неужели я, сама того не ведая, навлекла на себя все эти невзгоды? Я порылась в памяти, анализируя свои поступки за последние месяцы. Допустим, я разворчалась на рабочем совещании на прошлой неделе, когда Карл объявил о скором переходе к практике «свободного стола»⁹ в связи с сокращением накладных расходов. (Я лишь заметила, что за выслугу лет имею право на собственное личное пространство, хотя бы ограниченное ящиками стола, на что вечно недвольный Карл заявил, что *выслуга лет* предполагает обязанность подавать пример остальным.) А еще я не слишком любезно обошлась с бродягой, который приставал ко мне на выходе из супермаркета «Теско»¹⁰ прошлым вечером. Но он вынырнул из темноты и напугал меня до смерти, и я не думаю, что такой подход должен приветствоваться. Хотя старик казался вполне безобидным. Может, если бы я вернулась в магазин, то застала бы его там? Или уже слишком поздно заглаживать вину? И вообще, имеет ли закон кармы обратную силу?

В сознание возвращаются слова Лайонела, брошенные в тот вечер, когда он признался в измене. «Иногда ты умеешь быть такой беззаботной, Чарли. Честно говоря, я думал, тебе *все равно*». Мне было *не* все равно, но, возможно, по другой причине. Я проснулась на утро после его ухода с ожиданием щемящей боли в сердце, но вместо этого почувствовала что-то вроде изжоги. Да, внутри все как будто выжжено: злостью на любовь, злостью на Лайонела и больше всего – на саму себя, за то, что позволила отнять у меня часть жизни. В конце концов, я тоже оказалась неверной – в некотором смысле. Я изображала счастливую жизнь, но не чувствовала себя счастливой.

Внезапно появляющаяся медсестра отдергивает занавеску.

– Проснись и пой, – отрывисто говорит она. – К тебе посетитель. – Она отступает в сторону, и я вижу у нее за спиной Джек – в выцветшей зеленой куртке от *Barbour* и плоской шерстяной кепке из тех, что любят валлийские овцеводы. Ее темно-каштановые волосы собраны в тугие пучки по обе стороны головы, широкие брови высоко изогнуты, почти исчезая под козырьком кепки.

Джек кивает медсестре, когда та уходит, и делает шаг к кровати.

– Ох, – сочувственно произносит она, оглядывая меня.

Я глуповато помахиваю рукой.

– Спасибо, что приехала. Хотя в этом и нет необходимости. – На самом деле для меня облегчение – видеть сестру, и я безумно благодарна ей за то, что она проделала весь этот путь.

Джек улыбается.

⁹ Набирающая популярность офисная практика, когда в помещении ставится некоторое количество свободных столов, за которыми по очереди сидят присутствующие в офисе сотрудники. Каждый волен выбрать себе место, которое ему нравится.

¹⁰ Британская транснациональная корпорация, крупнейшая розничная сеть в Великобритании.

- Я думала, твоя мама преувеличивает. Но должна сказать, что выглядишь ты хреново.
- Я тоже рада тебя видеть.
- А ты не могла... откатиться в сторону или что-то в этом роде?
- Я обязательно попрактикуюсь в следующий раз.
- Джез оглядывается через плечо и понижает голос.
- Что за мерзкий запах?
- Может, крови? Смерти? Это больница.
- Джез качает головой и морщит нос.
- Больше похоже на дезинфицирующее средство.
- Я попрошу их ничего тут не драить.
- Не беспокойся. Я не собираюсь тут долго торчать. С тобой закончили?
- Думаю, они собираются проделать еще несколько унизительных процедур.
- Джез слегка хмурится.
- Дело в том, что... у меня времени в обрез.
- О!
- Ты идти можешь?
- Как далеко?
- Я припарковалась во втором ряду прямо у входа.
- Это в Челси-то? С ума сошла? Тебя же отбуксируют!
- Нет, если ты поторопишься.

Когда спустя несколько минут мы выходим на улицу, шурясь от яркого дневного света, потрепанный «Лендровер» Джез каким-то чудом все еще стоит там, где она его оставила. Пока я с трудом пробираюсь на переднее пассажирское сиденье, Джез убирает с приборной панели знак парковочного разрешения инвалида и прыгает за руль.

- Чье это разрешение? – спрашиваю я.
- Марго.
- Кто такая Марго?
- Стареющая веймарская легавая.
- У тебя есть парковочное разрешение для собаки?
- У нее дисплазия тазобедренного сустава. Это очень серьезно.
- Но ее нет в машине.
- Она могла бы здесь быть, – защищается Джез.

Джез управляет массивным «Лендровером», как танкером, прокладывая путь сквозь янтарные огни светофоров на перекрестках и время от времени подавая сигнал, похожий на корабельный гудок. Водители и пешеходы бросаются прочь с дороги, как испуганные кролики. Я подумываю о том, чтобы попросить ее заскочить ко мне, чтобы забрать кое-какие вещи, но потом вспоминаю, что спальня лежит в руинах, а одежда вряд ли пригодна для носки – если *уцелело* хоть что-то из одежды. Благодаря очень заботливому пожарному у меня есть пальто, телефон и сумка, не считая того, что было на мне во время взрыва.

Нам пришлось смываться из больницы без должной выписки, поскольку Джез не на шутку торопилась.

- А если мне понадобится дополнительное лечение? – сетую я, забираясь в машину.
- Утром должен прийти ветеринар. Он может тебя осмотреть, – говорит Джез.
- Класс! Мне выпишут лекарства для собак.
- Вообще-то он специалист по крупному рогатому скоту.
- Крупному рогатому скоту? Например...
- Коровы.
- Замечательно.

– Сильнейшие обезболивающие на рынке, – усмехается Джек. – Поверь моему опыту.

Когда мы вырливаем на автостраду, Джек включает радио, и я закрываю глаза. Ночь выдалась долгая. Не считая воинственного пьяницы в боксе напротив меня, где-то слева хныкал ребенок, а рядом со мной запыленная старушка все время отодвигала занавеску и просила пить.

– Простите, я похожа на медсестру? – не выдержала я, приподнимая забинтованную руку. Старушка заморгала, а потом кивнула.

– Вообще-то я работаю с компьютерами, – продолжила я. Несчастливая не сводила с меня умоляющего взгляда. – Эта профессия никак не связана с уходом за больными, – пробормотала я, вытягивая шею и оглядываясь по сторонам в поисках медсестры. Но персонал мистическим образом исчез, и в палате царил странная тишина. Наконец я скатилась с кровати и захромала к умывальнику в дальнем углу, где наполнила пластиковый стакан, который отыскала в шкафу. Я вернулась и осторожно подала воду старушке, разжимая ее скрюченные артритом пальцы, пока она рассматривала стакан, словно понятия не имела, для чего он предназначен. – Это вода, – объяснила я. – Вы просили. – Старушка опять уставилась на стакан, затем вернула его мне, и на миг мной овладело желание выплеснуть содержимое прямо на нее. Но я все-таки сдержалась, поставила стакан на тумбочку и заползла обратно на свою кровать, плотно задергивая занавеску.

И вот теперь я дремлю под убаюкивающие звуки передачи «Время садоводов» на Радио 4, и мне снятся больничные койки, рычащие пьяницы и старческие слезящиеся глаза вперемешку с гигантскими слизняками и загубленными всходами картофеля. Через некоторое время я просыпаюсь и вижу, что «Лендровер» тащится по подъездной аллее «Собачьего уюта». Я медленно выпрямляюсь на сиденье, потирая лицо, и Джек улыбается, глядя на меня.

– Я уже начала беспокоиться, не потеряла ли ты сознание.

– Спасибо за заботу.

– Как себя чувствуешь?

Честно? Думаю, мне следовало бы остаться в больнице. Но сострадание – не из тех качеств, которые присущи Джеку.

– Бывало и лучше, – отвечаю я.

– Да ладно, – говорит она, подъезжая к дому и глуша мотор. – Что тебе нужно, так это завтрак. Я приготовлю тебе наш фирменный.

Фирменным завтраком оказывается яичница из двух яиц поверх остатков вчерашнего ужина – в данном случае, чили кон карне¹¹. Пока Джек разогревает чили и жарит яичницу, я слоняюсь по кухне ее фермерского дома. Все здесь служит воплощением правильного беспорядка – продавленный темно-синий диван, тяжелый деревянный стол, окруженный разномастными стульями, полки со старыми потрепанными поваренными книгами, массивная пробковая доска, увешанная фотографиями, старыми записками, сертификатами с выставок собак, рождественскими открытками и не востребованными приглашениями на вечеринки. Древняя темно-зеленая чугунная печь *Rayburn* топится углем, который Джек загружает из потускневшего медного ведра, и в считанные минуты в кухне становится удивительно уютно. Пока жарится яичница, Джек подогревает молоко и готовит смертельно крепкий кофе во френч-прессе. Утопая в подушках дивана с обжигающе горячей кружкой в руках, я ловлю себя на мысли, что, возможно, мама права. Несколько дней деревенской жизни – пожалуй, то, что мне сейчас действительно нужно.

И тут я слышу стук когтей по линолеуму. *Ага*. Как раз когда все стало налаживаться, думаю я с тоской. Толстый, кофейно-коричневый бигль входит в кухню и останавливается у плиты, чтобы поприветствовать Джека.

¹¹ Блюдо мексиканской и техасской кухонь. Название взято из испанского языка и означает буквально «чили с мясом».

– Привет. А я гадала, где ты. – Джек наклоняется, нежно поглаживая собаку по голове. – Куда подевалось твое гостеприимство? – Бигль неторопливо подходит к дивану, обнюхивает мои туфли и поднимает на меня взгляд. Я, конечно, не эксперт, но могу поклясться, что пес хмурится.

– Это Пегги. Боюсь, ты заняла ее место, – объясняет Джек.

– Извини, Пегги. – Из вежливости я тянусь к собаке, чтобы небрежно потрепать ее по голове – жест, который она, кажется, терпит с трудом. На самом деле собака как будто отшатывается от моего прикосновения. – Только вот я *не очень* сожалею, да? – громко шепчу я. – Потому что диваны предназначены для *людей*.

Джек смеется.

– Не переживай. Пегги – единственная собака в доме. И в любом случае она теперь слишком толстая, чтобы запрыгивать на диван.

– Похоже, ты не веришь в собачьи диеты.

– Она на сносях, – объясняет Джек. – В январе должна ощениться.

– О! Прости, Пегги, я не догадалась. Полагаю, поздравления принимаются?

– Вообще-то это вышло случайно. Я даже не знаю, с кем она повязалась.

Я смотрю на биглиху, которая тяжело завалилась на бок и теперь вылизывает отвисшие соски.

– Значит ты распутница, Пег?

– Ветеринар прогнозирует многочисленный помет. Мне повезет, если удастся пристроить всех в хорошие руки, – говорит Джек. – Учитывая, что щенки без родословной, и мне придется *раздавать* их даром. Не хочешь взять дворняжку? Или троих?

– Нет, спасибо. Хотя, в принципе, я – за смешанные браки.

– Кто говорит о браке? – усмехается Джек. – Это был быстрый секс за дровяным сараем. – Она ставит на стол две полные тарелки еды, и я, с трудом отрываясь от дивана, сажусь за стол, оглядывая замысловатое ассорти. Джек сбобрила яичницу и чили сальсой, тертым сыром, сметаной и чем-то похожим на паприку, так что блюдо смахивает на картину Джексона Поллока.

– Хм... как это называется? – осторожно спрашиваю я, беря вилку.

– *Nuevos*¹² «Собачья мечта», – говорит Джек, уже копаясь в тарелке. – Если не справишься, тебе поможет Пегги.

¹² Яичница (*исп.*).

Глава 3

Остаток дня я посвящаю сну, прерывая его лишь на короткое время вечером, чтобы съесть тарелку морковного супа и принять горячую ванну, после чего возвращаюсь на мягкую перину огромной кровати в гостевой комнате Джек. Окончательно просыпаясь следующим утром, я чувствую себя так, словно мое тело прогнали через цикл интенсивной стирки в стиральной машине, отмыв дочиста, но порядком отмутив. Солнечный свет пробивается сквозь выцветшие желтые занавески, пока я лежу в постели, оценивая свою жизнеспособность. Ребра еще болят, но конечности, кажется, в рабочем состоянии, и головная боль, сопровождавшая меня на протяжении почти всего вчерашнего дня, милостиво утихла. Возможно, мне действительно повезло.

Я встаю и осторожно натягиваю спортивные штаны и фланелевую рубашку, догадываясь, что очень скоро придется подумать о смене одежды. Интересно, где ближайший *H&M*? В нескольких часах езды, если мне память не изменяет. Джек живет на окраине Кросс Боттомли, маленькой деревушки на границе Дартмура¹³. До ближайшего города, Плимута, ехать минут сорок, и я знаю, что Джек старается как можно реже туда наведываться, предпочитая обходиться тем, что предлагает местный рынок. Кросс Боттомли – та еще глухомань; единственный газетный киоск служит и почтой, и прачечной самообслуживания, и парикмахерской. Правда, деревня может похвастаться церковью, пабом, небольшим, но достаточно хорошо укомплектованным гастрономом и хозяйственным магазином. Помимо этих заведений порекомендовать особо нечего. Кроме пейзажа. Который зачастую описывается в брошюрах как «суровый», но в плохую погоду это всего лишь синоним уныния.

Спустившись вниз, я застаю Пегги на кухонном диване. Ее набухшие соски висят над полом. *Ну и жиртрест*, думаю я, делая мысленную заметку вставать пораньше, чтобы первой занимать диван. Кроме бигля, в кухне никого нет, хотя в кофейнике – свежесваренный кофе, и со двора доносятся голоса. Я наливаю себе кружку кофе, съедаю ломтик тоста с маслом, после чего звоню Шан сообщить, что все еще жива. Она тотчас берет трубку.

– Где тебя черти носят? – вопит она. – Я звонила тебе раз пятьдесят прошлой ночью! Оуэн буквально *отказался* какать просто назло мне. Все кончилось тем, что пришлось делать

¹³ Дартмур – холмистая болотистая местность площадью около 954 км² в графстве Девон в Юго-Западной Англии.

ему клизму. – Я заглядываю в список пропущенных звонков и вижу, что несколько десятков действительно от нее. Шан – мать-одиночка, воспитывающая прелестного трехлетнего сына по имени Оуэн. Мальчуган – само очарование, но при желании легко превращается в дьявольское отродье. Она любит его до беспамятства, хотя иногда эти двое напоминают странную парочку. Моя роль, как крестной, заключается в том, чтобы умирять мамашу в моменты драмы.

– Извини. – Когда я рассказываю ей о взрыве газа, она не в силах поверить.

– Боже мой. Я думала, взрывы газа – это миф.

– Хм... определенно – нет. Мои синяки тому доказательство.

– Ты уверена, что это не теракт? В Лондоне вот уже сколько лет держится четвертый уровень террористической опасности. – У Шан слишком богатое воображение, возможно, подогреваемое бесконечной видеоигрой «Король Лев», давно перешедшей в ту стадию, на которой ползание по полу в роли Симбы лично мне кажется невыносимо скучным.

– Это был не теракт. Да и зачем кому-то атаковать Нанхед? Про него никто и слыхом не слыхивал, – возражаю я.

– Справедливое замечание. Полагаю, даже ИГИЛ¹⁴ не интересуют монахини, – признает она. – И все же жаль. Мы могли бы запустить твою кампанию в социальных сетях на фоне этих событий.

– Но мне не нужна кампания в социальных сетях.

– Она могла бы привлечь к тебе богатого бойфренда. Может, даже модель от Кельвина Кляйна.

– Мне не нужен богатый бойфренд. Как и модель от Кельвина Кляйна.

– Ты с ума сошла? Почему нет? – Шан отказалась от поисков партнера для себя, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Честно говоря, хотя она и жалуется на то, что приходится воспитывать Оуэна в одиночку, я не думаю, что она готова разделить с кем-то его детство. Но она все еще возлагает большие надежды на устройство моей личной жизни. Когда прошлым летом мы обе подсели на «Остров любви»¹⁵, она сразу подала заявку на следующий сезон, отправив мои анкетные данные, но занизив возраст на пять лет. Заявку отклонили со скоростью света. По-видимому, даже гораздо более молодая версия меня недостаточно привлекательна, худа и глупа, чтобы праздно шататься вокруг бассейна в окружении мускулистых парикмахеров из Эссекса.

– Ладно, может, богатый бойфренд меня бы и устроил, – сдаюсь я. – Но только не в том случае, если для этого нужно делиться подробностями своей жизни с сотнями тысяч подписчиков в Instagram.

– Ладно. Ты бы все равно выглядела дерьмово. А накладные ресницы смотрелись бы на тебе, как паучьи лапки, – соглашается она.

– Спасибо. Я запомню.

– И как долго ты собираешься там торчать?

– Надеюсь, всего несколько дней. Пока моя квартира не станет пригодной для жилья. Уверена, квартирная хозяйка как раз ведет тяжбу со страховой компанией, пока мы разговариваем.

– Значит, это растянется... на несколько лет.

– Боже, нет. Надеюсь, что нет.

– А твоя кухня знает, что ты терпеть не можешь собак?

– Хм... я еще не говорила ей об этом.

– Держу пари, собаки уже это знают. Животные обладают особой интуицией.

– Ну, они, кажется, тоже не в восторге от меня.

¹⁴ Международная террористическая организация.

¹⁵ Популярное британское реалити-шоу.

– Неудивительно. Хотя, может, за это время твое отношение к ним изменится.

Я бросаю взгляд на Пегги, которая зарывается носом в свои самые интимные места с энтузиазмом охотника за трюфелями.

– Вряд ли.

Это правда. Я терпеть не могу собак. Хотя не часто признаюсь в этом на публике. Среди британцев это все равно что сказать, что ты не любишь шоколад. Или солнечный свет. Или мир во всем мире. Так или иначе, я виню в этом свою мать. Когда мне было шесть лет, на какой-то недолгий период вскоре после того, как она бросила моего отца, ее новым мужем стал лысеющий коротышка из Мидлендс¹⁶ по имени Рассел, которого она подцепила и захомотала так быстро, что за это время не вырастить даже кресс-салат. Гамлет пришел бы в ужас. Я так уж точно была ошарашена, хотя мать делала вид, будто этого не замечает.

Рассел владел компанией по поставке арматуры для ванных комнат, и это означало, что он был знатным сантехником, хотя мама настаивала на том, чтобы на людях называть его *предпринимателем*. Помимо этого он был хозяином двух сексуально озабоченных мопсов – Пикла и Пеппера, – которые трахали все, что оставалось неподвижным более трех секунд, включая меня.

До этого у меня не было опыта общения с собаками, и в шестилетнем возрасте я относилась к ним совершенно равнодушно. Конечно, я читала о них в книгах, видела их по телевизору, даже владела несколькими приятными на ощупь игрушечными версиями, но мой шестилетний разум воспринимал их скорее как мифических существ вроде драконов или единорогов. Никто из наших соседей, как и из моих школьных друзей или многочисленных родственников собак не держал. Когда на улице нам встречались собачники, выгуливающие своих питомцев, мама не выказывала умиления, а резко притягивала меня к себе, дожидаясь, пока они пройдут мимо. И любое предложение завести какое-нибудь домашнее животное отменялось быстро и безоговорочно.

Поэтому я опешила, когда Рассел и его собачьи подопечные переехали жить к нам. У Рассела тоже за плечами был один брак, но, в отличие от моей матери, он не обзавелся детьми. Зато у него были Пикл и Пеппер. Неудивительно, что ему сбагрили собак при разводе. По-видимому, его бывшая жена получила джакузи, а ему досталась живность. Каждый раз, когда он подъезжал к нашему дому на своем белом мини-вэне, я видела мопсов, разлегшихся на торпеде безразмерными мягкими игрушками с выпученными темными глазами и развевающимися на ветру крошечными розовыми язычками. Коренастые, черного окраса, бочкообразной формы, приобретенной усилиями хозяина, который упорно их перекармливал, мопсы были настолько неуклюжи, что их приходилось буквально на руках затаскивать в машину и выгружать обратно.

Поначалу, на какую-то наносекунду, они показались мне забавными. Я попробовала поиграть с ними, но они не проявили ни интереса, ни способностей к игре с мячиками, веревками и пищалками. Их главными хобби оказались еда, чихание, отрывка и сон. Рассела они боготворили, и в тех редких случаях, когда он оставлял их дома, на приплюснутых мордочках отражался настоящий ужас. Они беспокойно носились кругами, порой доводя себя до тошноты. Чаще всего ему приходилось уступать и брать их с собой. Подхватывая каждого под мышку, он выходил из дома, похожий на регбиста.

Я терпела этих мопсов в течение первых нескольких недель, пока их почти непрерывное сопение вкупе с раздражающим цоканьем когтей по полу и обтиранием моих голых лодыжек щетинистой шкурой, равно как и противный запах псины не довели меня до ручки. Это необъяснимо, но Рассел их обожал. И на короткое время моя мама тоже стала одержима собаками,

¹⁶ Территория Англии, охватывающая ее центральную часть вокруг города Бирмингем.

хотя я думаю, что на самом деле она влюбилась в аксессуары. Она прошла через фазу приобретения нелепых модных вещей для собак (вроде клетчатых пальто, инкрустированных ошейников, меховых митенок на лапы), не говоря уже о скупке домашних принадлежностей с изображением мопсов (кружек, подушек, кухонных полотенец). Она настойчиво призывала меня подружиться с моими новыми сводными родственниками, несмотря на то, что они астматики и совершенно бесполезны как партнеры по играм. Она даже пыталась уговорить меня позволить им спать на моей кровати, от чего я наотрез отказалась, сославшись на то, что они храпят.

Но когда мопсы отгрызли конечности и головы моим куклам, я по-настоящему их возненавидела. Через несколько месяцев моя коллекция кукол состояла из парализованных Барби и безголовых Кенов. Мать не проявила никакого сочувствия. «Ты же все равно можешь играть с ними, дорогая, – утверждала она в ответ на мои жалобы. – Напряги воображение: *представь*, что у них по-прежнему есть руки и ноги». В ту ночь я украла ее любимый кашемировый свитер и постелила его на собачью лежанку, так что к утру мопсы с успехом изгрызли рукава. *Ты же все равно можешь его носить*, с удовлетворением подумала я. *Представь, что у него по-прежнему есть рукава*.

Она онемела от гнева, но мне приятно думать, что этот маленький акт неповиновения ознаменовал начало заката для Рассела и его четвероногих отпрысков. Каким-то образом это дестабилизировало домашнее хозяйство. Вскоре после этого я услышала доносившуюся из-за двери их спальни ругань: мама отчитывала Рассела за то, что тот плохо убирает за собаками, а через месяц она изгнала Рассела и мопсов из супружеской постели. Это были первые и последние домашние животные в нашей семье.

После телефонного разговора с Шан я догадываюсь, что нужно найти Джек, поэтому надеваю пальто, чьи-то выдавшие виды резиновые сапоги и выхожу на улицу. Во дворе тихо, хотя «Лендровер» все еще на месте, а рядом с ним припаркован старый темно-синий «Вольво»-универсал. Джек не откликается на мой зов, так что я заглядываю в ближайший флигель – большой современный сарай из гофрированного железа.

Внутри голый цементный пол, стойла из шлакобетонных блоков и штук шесть больших металлических клеток вдоль стены. Замысловатый черный шланг со сложной насадкой-пистолетом свисает с крюка возле боксов, похожий на смертоносную анаконду. Под ним на полу выложены круговые металлические желоба. Я подхожу к змееподобной конструкции, которая на поверку оказывается чем-то вроде промышленного гигиенического душа, и рука сама тянется к шлангу. Он и впрямь выглядит как полуавтоматическое оружие, и я целюсь в соседнюю стену. Мощная струя воды вырывается наружу, и шланг вылетает из рук, сворачиваясь спиралью, и бросается на меня разъяренной змеей, окатывая ледяной водой.

Промокшая, я выбегаю из сарая, и иду через двор в сторону псарни. Собачьи будки размещены в длинном низком бунгало с рядом дверей, каждая из которых снабжена квадратным стеклянным окном. Я заглядываю в первое окошко и вижу миниатюрную кровать на четырех столбиках с оборчатым пологом бледно-голубого цвета. Судя по табличке на стене, это королевский «люкс», и я фыркаю. Вокруг кровати выложено покрытие в виде ярко-зеленого искусственного газона, а пластиковая створка на противоположной стене служит выходом к загону. Я заглядываю во все углы, но «люкс», похоже, пустует. Наверное, корги временно в дефиците. Я дергаю за ручку двери, и она открывается, так что я захожу внутрь. «Люкс», может, и предназначен для питомцев королевской семьи, но все равно пахнет мокрой псиной. Я ощупываю матрас и с облегчением обнаруживаю, что это всего лишь пенопласт, покрытый пластиком. Возможно, Джек и не сумасшедшая.

Я покидаю зону «люксов» и, делая круг, возвращаюсь к другой надворной постройке позади сарая, заходя в широко распахнутую дверь. Пол здесь устлан соломой, а само помещение заставлено собачьими тренажерами ярких расцветок. Тканевый туннель, маленькая стре-

мянка, качалка-балансир, длинная деревянная доска и множество мячей всевозможных размеров – все разноцветное. Разве собаки различают цвета? В одном углу стоит прямоугольная пластиковая джакузи, а в другом – гигантское металлическое гимнастическое колесо. *Боже*, думаю я, приближаясь к нему. Колесо выше меня и крепится на внушительной треугольной железной раме, напоминая массивный промышленный вентилятор без лопастей. Внутри оно выложено толстым черным резиновым покрытием. Я разглядываю пластмассовую табличку, вставленную в раму: *Осторожно! Не подходит для крупных пород весом более 70 кг!* Интересно, что это за собака-мутант, которая весит больше 70 килограммов?

Можно ли считать меня крупной породой? Наверное, нет. Поэтому я робко наступаю одной ногой на черный резиновый коврик и забираюсь внутрь. Конструкция кажется выдерживает мой вес, и коврик слегка пружинит под ногами. Одной рукой я хватаюсь за центральную ось рамы и делаю пробный шаг. Колесо легко скользит подо мной, и я качусь вперед. Потом выравниваю положение и делаю еще несколько шагов, чувствуя, как плавно движется колесо под ногами. Я расслабляюсь и шагаю в обычном темпе, получая удовольствие от упражнения и даже начиная завидовать хомякам. Я продолжаю ходьбу, и колесо украдкой набирает обороты, так что вскоре я вынуждена ускорить шаг. Проблема в том, что я не очень понимаю, как остановить эту штуковину, кроме как спрыгнув – чего мне совсем не хочется, пока она движется. Я оглядываюсь в поисках какого-нибудь тормоза, но ничего похожего не обнаруживается, и, чем быстрее я иду, тем быстрее вращается колесо. Очень скоро я вынуждена перейти на медленный бег, вытягивая вперед руки, чтобы сохранить равновесие. Я как раз подумываю о том, чтобы совершить боковой соскок, когда вдруг спотыкаюсь, и ноги улетают назад, в то время как руки скользят по коврику вперед. Колесо продолжает вращаться, и я группируюсь, переворачиваясь вверх ногами. У меня вырывается истошный крик, и руки вдруг отказывают. В следующее мгновение я падаю на бок, сильно ударяясь головой о край колеса.

Я приземляюсь на пол лицом вниз, и в ушах звенят слова врача: *Никаких контактных видов спорта, никаких физических нагрузок и занятий, связанных с риском падения.* Рядом со мной вращается пустое колесо. Постанывая, я медленно переворачиваюсь. Ясное дело, это орудие пытки. И еще ясно, что я идиотка, раз залезла в него. Я дотрагиваюсь до уха, которое адски жжет, и чувствую влагу. *Упс.*

– Дело в том, что оно не предназначено для двуногих, – раздается мужской голос позади меня. Я поворачиваю голову и вижу высокого, лет тридцати с небольшим, темноволосого мужчину в линялых джинсах, клетчатой рубашке и бордовом пуховом жилете. Он стоит в дверях, скрестив руки на груди; на его лице – легкое замешательство, но тон несколько покровительственный. Даже боковым зрением я могу различить его грубоватую притягательность: волнистые волосы, сильный подбородок, мускулистые предплечья. Не писанный красавец, конечно, но определенно из тех, кого Шан называет *мачо*.

– Тут нужны четыре ноги, – продолжает он. – Иначе центробежная сила начинает работать против вас.

Я смущенно поднимаюсь с пола, отряхиваясь от налипшей соломы, и бросаю взгляд на кончики пальцев, перепачканные кровью с уха.

– Физика никогда не была моим любимым школьным предметом. – Я сжимаю пальцы в кулак, скрывая следы крови. Мачо подходит ко мне. Через плечо у него перекинут рюкзак.

– Видимо, в ЛСМП¹⁷ вы тоже не были сильны, – говорит он. – Или, может, просто прогуливали занятия по здравому смыслу?

Ничего себе. Парень прямо-таки излучает презрение. Я упрямо вскидываю голову.

– *Понятия* не имела, что это задумано не для людей, – с некоторым вызовом отвечаю я.

¹⁷ Факультативная программа личного, социального и медицинского просвещения в британских школах.

– Заметно, – бросает он. – Вы собирались испытать и эти? – Он кивает на ряды гигантских пластмассовых обручей, установленных на приподнятых деревянных подставках. Я одариваю его самой хладнокровной из улыбок.

– Я никогда не прыгаю через обручи. – У нас своего рода патовая ситуация, во время которой я не могу не заметить, что глаза у него необычного голубого оттенка.

– Вам повезло, что вы не раскроили себе череп, – говорит он.

Опять я и моя чертова удача!

– Да что вы говорите? – Вообще-то я подозреваю, что *раскроила-таки* ухо, потому что оно чертовски болит. Надеюсь, под волосами это не заметно.

– Позвольте мне взглянуть. – Он сбрасывает рюкзак на землю и делает шаг вперед. Прежде чем я успеваю возразить, он тянется к моему подбородку и слегка поворачивает его в сторону, хмурясь при виде синяков, полученных при взрыве. – Ух ты! Это свежие? – Судя по всему, он более чем озадачен.

– Э-э... нет. Это старая история. Уверена, что со мной все в порядке, – говорю я, когда он приподнимает мои волосы.

– Ага. Вы повредили ухо. Порез неглубокий, но его нужно обработать, – продолжает он в манере, которая кажется слишком компетентной. Он наклоняется и расстегивает рюкзак, роется внутри и достает пару пакетиков с бинтами и пузырек с физиологическим раствором. Он снова тянется к моему подбородку, резко поворачивая голову набок.

– Вы случаем не представитель одной из гуманных профессий? – бормочу я с некоторой подозрительностью.

– Вообще-то да, – тихо отвечает он. Кончики его пальцев слегка щекочут мне шею, и я чувствую прилив тепла от его дыхания, которое действует на мою нервную систему как электрошокер. Но в следующее мгновение холодная струя раствора попадает на рану, обжигая ее огнем.

– Ой! – Я отстраняюсь. Жидкость стекает по щеке и подбородку. Он хмурится и снова наклоняет мою голову вбок.

– Пойдите смирно хотя бы секунду, – говорит он. – Мне нужно промыть рану. – Это не просьба, скорее приказ. Он несколько раз прикладывает к моему уху ватный тампон, после чего вскрывает пакет стерильных повязок и заклеивает порез. – Я не собираюсь расспрашивать, откуда у вас те ушибы, – бормочет он по ходу дела тоном только что не школьного учителя.

Так и не расспрашивай! Потому что я не намерена ничего объяснять. Но он явно ждет ответа, и между нами повисает неловкое молчание.

– Да так, небольшая домашняя авария, – говорю я.

– Хм. – По его ухмылке можно сказать, что мачо мне не верит.

Кто он вообще такой?

– Кстати, меня зовут Кэл. Я – ветеринар.

Вот те на. Я и забыла о визите ветеринара.

– Стало быть... вы *крупный рогатый* Кэл, – с легкой усмешкой говорю я. Он хмурится.

– На моей визитке значится совсем другое. – Он заканчивает и убирает свою аптечку обратно в рюкзак, закидывая его на плечо.

– Извините. Просто Джек сказала мне, что вы специалист по коровам.

– Я *лечу* коров. Если вы это имеете в виду. И не только коров, но и других животных. – Может, это мое воображение, но *Крупный Рогатый Кэл* выглядит немного сердитым.

– Кэл, который лечит коров. – Я пытаюсь смягчить неловкий момент. – Звучит. – Он бросает на меня выразительный взгляд.

– Я не об этом думал, когда выбирал профессию.

Смотри-ка, усмехаюсь я про себя. Крупный Рогатый Кэл даже не улыбается.

– Ну а я – Чарли, кузина Джек. Приехала погостить на несколько дней.

– Откуда?

– Из Лондона.

Он кивает – пожалуй, слишком многозначительно. Как будто уже поставил на мне клеймо бестолковой горожанки.

– Приехали насладиться прелестями сельской жизни? – В его голосе звучат издевательские нотки. В какой-то момент я подумываю о том, чтобы рассказать ему про взрыв, но прихожу к выводу, что не нуждаюсь в его сочувствии.

– Вроде того. – Звучит жалко, но я действительно не горю желанием что-либо объяснять.

– Что ж, смотрите, не переусердствуйте. – Он оглядывается по сторонам. – Сельская местность полна скрытых опасностей. – Теперь он явно издевается.

– Я уверена, что справлюсь. Мы, городские, очень сообразительны.

– Так говорят, – отвечает он. – Что ж, продолжайте, не буду вам мешать, – добавляет он, поглядывая на колесо.

Я чувствую, что краснею. И что мне сказать? *Я лишь хотела развлечься?*

– Вообще-то я просто искала Джек.

– Она в загоне.

Он поворачивается и выходит из сарая, и мне остается лишь таращиться ему вслед.

Глава 4

Мне не сразу удается собраться с мыслями и последовать за ним. К тому времени, как я выхожу на улицу, его «Вольво» уже сдает назад, выезжая со двора. Я смотрю, как он трогается, даже не помахав рукой, и понимаю, что с Крупным Рогатым Кэлом ловить нечего. Скорее всего, он женат. Или гей. Или то и другое. И, более того, он не тот, кого Джейн Остин назвала бы дружелюбным. Кому нужен мужчина, не утруждающий себя даже элементарной вежливостью вроде прощального взмаха рукой? Я слышу шаги и, оборачиваясь, вижу Джек, которая выходит из-за угла с маленьким серым пуделем на руках.

– Извини, я хотела представить тебя ему, пока он был здесь, – говорит она, кивая вслед удаляющейся машине.

– Мы познакомились.

– Ты попросила его осмотреть тебя?

– Хм. Что-то вроде того.

– И что он сказал?

– Все в порядке.

– Отлично. Тогда поможешь мне по хозяйству, – говорит Джек.

– Конечно, – отвечаю я скрепя сердце. *Разве меня отправили сюда не для поправки здоровья?* – Кто это? – спрашиваю я, кивая на пуделя.

– Это Себастьян. Но я зову его Слэб¹⁸.

Я вопросительно поглядываю на нее, и Джек пожимает плечами.

– Ну, он практически не двигается. – Она очень осторожно, как фарфоровую статуэтку, опускает пуделя на землю, и я вижу, что собака от старости еле держится на лапах. Конечности искривлены, а один глаз почти полностью затянута пленкой катаракты. Пудель с тревогой смотрит на Джек здоровым глазом, как будто подсказывая, что, заставляя его стоять, она требует от него слишком много. Его лапы начинают подрагивать.

¹⁸ Slab (англ.) – густой, вязкий.

- Ох. Он выглядит слишком дряхлым для таких нагрузок.
- Да. Зажился песик. Уже шестнадцать с лишним годков. Верно, Слэб?
- Не гуманнее ли... просто избавиться его от страданий?
- О, в нем еще есть жизнь. К тому же Слэбу нравится здесь. Мы его ужасно балуем. И, если честно, он у нас что-то вроде дойной коровы.
- Надолго его сюда определили?
- Ну, вроде как навсегда. Хозяева привезли его к нам год назад на пару недель, но с тех пор продлевают срок содержания. Не думаю, что они планируют забрать его обратно. – Джек пожимает плечами.
- Это бессердечно.
- Бессердечно, это если бы они так щедро не платили по счетам. – Джек усмехается.
- Кто называет собаку Себастьяном?
- Аристократы.
- Неужели? А чем плох Ровер? Или Спайк?
- Это освященная веками традиция: аристократы называют своих детей в честь собак, а собак – в честь детей.
- Да это просто неуважение, – говорю я. – К собакам.
- Ага, – говорит Джек, подхватывая пуделя. – Но зато имена детей легче запомнить. – Она уносит Слэба в один из небольших «люксов», укладывает его на лежанку и закрывает дверь. – Ладно, – говорит она, поворачиваясь ко мне. – Готова взяться за работу?
- Что за работа?
- Не волнуйся. Ничего слишком напряженного.
- То, как она произносит «*ничего слишком напряженного*», меня как раз и напрягает.

Вычесывание блох и в самом деле не требует особых усилий. И даже доставляет что-то вроде удовлетворения. За приличную плату «Собачий уют» предлагает *органическую* противоблошную обработку, которая заключается в том, что Джек вместо напалма использует традиционные домашние средства и старомодную технику: вручную вычесывая мерзких крошечных тварей гребнем с длинными зубьями. Как раз в то утро пожилая клиентка привезла на каникулы двухлетнего померанского шпица, больше похожего на гигантский комок свалявшейся шерсти.

– С блохами хитрость в том, – говорит Джек, – что они удивительно умные. Они словно чувствуют приближение гребня и бросаются врассыпную. Так что нужно расчесывать во всех труднодоступных местах, потому что именно там они прячутся. Эти букашки на редкость проворны. Если бы люди обладали прыгучестью блох, кто-то твоего размера мог бы преодолеть высоту того сарая. – Она показывает на постройку позади нас.

– Стало быть, мы должны проявить уважение. – Я многозначительно киваю.

– Вот именно, – говорит Джек, вручая мне гребень и собаку. – Они достойные противники.

Я сажусь на табурет, пристраивая померанца на коленях. Собака испуганно смотрит на меня розоватыми глазками. Несмотря на внушительный объем шерсти, само тело шпица не крупнее небольшого грейпфрута и куда менее плотное. На самом деле это идеальный вес для метания, и Шан наверняка сказала бы, что такую собаку только и швырять, как мячик. И шпиц настолько послушный, что я начинаю задаваться вопросом, не накачивает ли его хозяйка, хотя транквилизаторы вряд ли можно отнести к органике. Более очевидным представляется другое объяснение: собаке *нравится* груминг, и это подозрение очень скоро подтверждается, когда померанец едва не дрожит от удовольствия.

– Слушай, а как этого зовут? – кричу я Джек. Она высовывает голову из двери сарая.

– Гермиона.

- Логично.
- Но я зову ее Халк.

На вычесывание шпица уходит почти два часа, после чего Джек осматривает собаку и дает добро. Я опускаю собаку на землю, и она элегантно удаляется, как будто гигиенические процедуры – это все, что ей требовалось. Я встаю и со стоном потираю поясницу. Похоже, груминг собак оборачивается куда более серьезной нагрузкой для мышц, чем сидение с утра до ночи перед монитором компьютера. Тут я вижу, как Джек вытаскивает из багажника «Лендровера» огромный мешок сухого собачьего корма.

– Тебе помочь? – предлагаю я без особого энтузиазма.

– Нет, спасибо, я справлюсь. – Джек, крикая, закидывает мешок на плечо и исчезает в сарае, а я следую за ней. Понимаю, что это неразумно, но последние несколько часов я снова и снова прокручиваю в голове разговор с Крупным Рогатым Кэлом.

– А с чего вдруг ветеринар оказался здесь? – как можно более небрежно спрашиваю я. Джек занята тем, что высыпает сухой корм из мешка в огромный мусорный бак.

– У Слэба запор. Такое нередко случается со старыми собаками. Это довольно болезненно, если не принять меры.

Я киваю, не испытывая никакого желания вдаваться в подробности.

– Ты давно его знаешь?

Джек отвлекается и ставит мешок на пол, удивленно вскидывая бровь.

– Кого, Слэба?

Я краснею.

– Крупного Рогатого Кэла.

– *Крупного Рогатого Кэла?* Ты что, назвала его так в лицо?

– Нет! – горячо возражаю я и тут же признаюсь: – Ну, вроде того.

Джек хохочет, потом снова поднимает мешок, возвращаясь к прерванному занятию.

– Держу пари, ему это *понравилось*, – говорит она.

– А что с ним? Он был немного... – Я делаю паузу.

– Ворчлив? – с усмешкой спрашивает Джек.

– Я бы сказала, высокомерен.

Она опустошает мешок и бросает его на пол.

– Я знаю Кэла всю жизнь. На самом деле он не так плох, когда узнаешь его поближе. Иногда его манеры слегка обескураживают. По крайней мере, людей. Я не думаю, что животные это замечают, – добавляет она с усмешкой.

– Отлично.

– В последнее время он немного застрял в рутине. Думаю, ему трудно из нее выбраться. *Товарищи по несчастью. По крайней мере, у нас есть кое-что общее.*

– И как давно это у него?

Она задумывается.

– С год или около того? Может, дольше.

Я хмурюсь.

– Это не рутина, – говорю я. – Больше похоже на... тупик. – Джек пожимает плечами.

– Ну, ты же знаешь ветеринаров. Большинство из них отдает предпочтение животным, а не людям.

– *Неужели?* – Значит, он ненавидит двуногих?

– О, я бы *так* не сказала. – Джек тащит контейнер обратно в угол.

Я с надеждой смотрю на нее.

– Он помешан на птицах.

Замечательно. Пернатый и Крупный Рогатый Кэл определенно не имеет шансов на успех. Кому вообще нужны работяги-медики? Особенно со сложной предысторией. В любом случае, пока не время начинать охоту. Моему одиночеству всего лишь несколько недель. Мне еще следует находиться в фазе голодания после разрыва отношений: никаких свиданий, никакого флирта, решительно никаких случайных связей с незнакомцами в барах или собачьих питомниках. Облегченная версия любви – максимум, что я могу позволить себе в предстоящие праздники.

– Ну, ты как, готова к следующему заданию? – спрашивает Джек.

– Конечно, – отвечаю я. *Что может быть хуже, чем убивать паразитов голыми руками?* Она хватает странного вида инструмент с черенком лопаты и парой металлических челюстей в основании.

– Что это? – с подозрением спрашиваю я.

– Совок для уборки собачьих какашек.

– Seriously?

Джек улыбается и протягивает его мне.

– Полный гламур.

Глава 5

Ах, сельский край! Здесь наверняка есть чем заняться, и я могла бы найти себе тысячу дел по душе. Но почему-то дальше собак мое воображение не заходит. Я уверена, что в Девоне представлены все виды развлечений, и в свое время они обязательно мне откроются. А пока меня будет врачевать свежий воздух.

Так что, если не светит ничего другого, буду коротать дни, наслаждаясь живительным дыханием.

До тех пор, пока я не против того, чтобы дышать одним воздухом с собаками.

На сегодня в гостинице Джек шесть постояльцев, хотя в ближайшие дни ей придется расстаться с тремя из них. Рождество – традиционно мертвый сезон для собачьих гостиниц, объясняет она за обедом. В это время хозяева обычно проникаются особой любовью к своим домашним животным: хотят быть рядом с ними в каникулы, даже если потом с радостью сбавривают их на целый год в интернат. Исключение составляют те, у кого имеются загородные дома в далеких уголках вроде Антигуа или Кейптауна: номера в собачьей гостинице они бронируют ежегодно и привозят своих питомцев полностью упакованными, с подарочными рождественскими чулками, любовно собранными владельцами. Джек должна раздать их рождественским утром и, в отдельных случаях, снять на видео момент, когда собака разворачивает подарки.

– Серьезно? – удивляюсь я. – Даже у меня не бывает рождественского чулка. Я даже забыла, когда получала его. – Мне было лет двенадцать, когда мама заявила привычным, не терпящим возражений, тоном, что, поскольку рождественский дед – пережиток прошлого, чулки тоже пора отправить на свалку. Мама всегда открыто возмущалась тем, сколько дополнительной работы требует Рождество, и зачастую называла его «Фестивалем матери».

– Слэб может поделиться с тобой, – ухмыляется Джек.

– Похоже, я родилась не в той семье, – размышляю я вслух.

– Или не того биологического вида, – уточняет Джек.

На следующее утро я просыпаюсь, чувствуя себя вполне прилично. Подойдя к зеркалу, я с радостью вижу, что правая щека больше не выглядит опухшей, хотя на виске разливается довольно зловещий желтый синяк. Теперь я скорее похожа на жертву домашнего насилия, а не теракта. Прошлым вечером Джек откопала для меня кое-какую одежду: выцветший джинсовый

комбинезон, несколько футболок и старый шерстяной кардиган, когда-то, вероятно, красивого оттенка бургундского, но теперь напоминающего остатки вина на дне бокала.

Когда я спускаюсь к завтраку, Джек, уже в пальто, натягивает сапоги. Она одобритительно оглядывает мой прикид.

– Тебе идет стиль *фермерский шик*.

– Кто бы мог подумать? – отвечаю я, направляясь в кухню за кофе. – А куда ты собралась?

– Не я, а *мы*. Неси кофе в машину. – Она протягивает мне пальто. – У нас свидание.

Я хмурюсь.

– С кем?

– С давним другом. Который сторает от желания познакомиться с тобой.

– Ладно. – Я накидываю пальто. – Но хочу, чтобы ты знала, я не занимаюсь сексом втроем.

Я предположила, что мне предстоит знакомство с кем-то из школьных друзей Джека, но, когда спустя десять минут мы заходим в почтовое отделение, нас встречает миниатюрная, похожая на птичку, женщина с медово-смуглой кожей и белоснежными волосами, собранными на макушке в замысловатый пучок.

– Джеральдина, это моя кузина Чарли, – объявляет Джек. – Чарли, это Джеральдина, выдающийся почтмейстер.

– Просто Джерри, – улыбается женщина. – Здесь никто, кроме Джезбел, не называет меня Джеральдиной. – Она вытирает ладони о фартук кремового цвета с выцветшими певчими птицами, и протягивает мне руку. Пожатие у нее на удивление крепкое; я обращаю внимание на выпирающие костяшки ее пальцев, похожие на отшлифованные грецкие орехи.

– Очень рада познакомиться, – говорит Джерри.

– Чарли у меня в гостях. Приехала из Лондона, – объясняет Джек.

Джерри наклоняет голову и оценивающе смотрит на меня.

– Ага. Зов деревни. Мы все рано или поздно его слышим.

В самом деле? Я бросаю многозначительный взгляд на Джека, и она пожимает плечами, как бы предостерегая: *Не углубляйся*.

– Ты останешься на шествие? – спрашивает Джерри.

Я снова поворачиваюсь к Джеку, удивленно вскидывая брови.

– Хм... Что за шествие? – В моем воображении тотчас возникает длинная процессия из зубастых блондинок в однотипных тиарах и одинаковых купальниках.¹⁹

– Рождественское представление, – поясняет Джерри.

Ах, вот оно что. Блондинки мгновенно превращаются в ряды плачущих Богородиц.

– Боюсь, что нет, – извиняющимся тоном отвечаю я.

И в то же самое мгновение Джек произносит:

– Непременно!

Возникает неловкая пауза, пока мы с Джеком обмениваемся взглядами, но ее пререзает голос Джерри.

– В Кросс Боттомли проходит самое чудесное рождественское шествие, – обращается она ко мне. – Тебе понравится. Всем нравится. Это самое яркое событие года.

Я одариваю ее ледяной улыбкой. *Рождество!* Неизбежное, незабываемое, непобедимое.

– Она ни за что на свете не пропустит этого, – уверенно говорит Джек.

– Конечно, нет. – Джерри взмахивает рукой, как будто вопрос решен. – Постой-ка. Я чуть не забыла, зачем ты пришла. – Она отворачивается к стеллажам и роется в деревянных ящичках. – Ага. Нашла. – Она вытаскивает маленькую бандероль и вручает ее Джеку. Та хмурится, рассматривая сверток. Посылка размером с чайную коробку завернута в простую крафт-бумагу.

¹⁹ Одно из значений слова *pageant* – «конкурс красоты».

- Что это? – Джек недоуменно крутит в руках сверток.
- Почему бы не открыть и не посмотреть? – предлагает Джерри.

Джек колеблется.

- Штемпель Финляндии, – говорит она. Я различаю в ее голосе что-то похожее на дрожь.
- Так и есть, – бормочет Джерри.

Джек поднимает на нее взгляд, и старшая подруга вскидывает бровь. Такое ощущение, словно они говорят на неизвестном мне языке. Джек медленно разворачивает бумагу, осторожно берясь за края, словно ожидая, что посылка взбунтуется. Наконец бумага соскальзывает, обнажая простую белую картонную коробку. Джек снимает крышку, и мы втроем вытягиваем шею, заглядывая внутрь. Там, в гнездышке из ваты, утопает крошечная вещица, похожая на изделие из выбеленной кости.

– О боже, – шепчет Джек.

– Что это? – спрашиваю я.

– Если это то, что я думаю, тогда это настоящее чудо, черт возьми, – еле слышно произносит Джек. Она аккуратно вынимает предмет из коробки и держит его на весу. Мне не сразу удается понять, что это такое.

– Это что... миниатюрные сани? – озадаченно спрашиваю я. Джек кивает, сияя.

Перед нами искусно вырезанная модель саней из старого дерева и материала, смахивающего на отбеленную слоновую кость. Полозья, напоминающие длинные тонкие бивни, изящно загнуты вверх и увенчаны круглыми наконечниками. Узкие планки сиденья замысловато соединены с полозьями светло-коричневыми жилами, а между стойками подвешено крошечное украшение в форме клевера из слоновой кости.

– Я давно ищу такую вещицу, – говорит Джек. – Почти три года ушло на то, чтобы ее отыскать!

– Стоило так долго ждать, – восхищенно произносит Джерри, окидывая сани оценивающим взглядом. – Сколько же им лет?

– Похоже, это девятнадцатый век. – Джек переворачивает сани и разглядывает их снизу.

– Откуда они? – спрашиваю я.

– Наверное, из Гренландии. Инуиты²⁰ вырезали их и раздавали в качестве подарков на Рождество.

– Но... кто тебе это прислал?

Джек мнется в нерешительности.

– Я не совсем уверена, – медленно произносит она, что предполагает прямо противоположное.

Она вынимает остатки ваты и рассматривает дно коробки, после чего осторожно возвращает сани на место. Она уже собирается закрыть коробку, когда замечает небольшой квадрат бумаги, прикрепленный к внутренней стороне крышки.

– Стойте-ка. Там что-то приклеено. – Джек отрывает листок и разворачивает его, пробегая глазами текст.

– Что там? – спрашивает Джерри.

Джек глубоко вздыхает.

– Это приглашение, – отвечает она, не отрывая глаз от бумаги.

– От кого? – интересуюсь я.

Джек бросает взгляд на Джерри.

– От Санта-Клауса, – улыбается Джерри.

²⁰ Коренной народ группы «эскимосов», населяющий территории от восточного края Чукотки до Гренландии. Всего – менее 90 тыс. человек (на 2000 г.).

* * *

Через пять минут мы с Джек снова в «Лендровере», мчимся по дороге, а я по-прежнему пребываю в неведении. Белая картонная коробочка лежит на сиденье между нами, словно взрывное устройство, и, мягко говоря, Джек ведет машину еще более неаккуратно, чем обычно. Она нервно сжимает руль и стискивает зубы, а по ее лицу то и дело пробегает судорога. На крутом повороте она резко сбрасывает скорость, и автомобиль тяжело кренится на сторону. Я в панике хватаюсь за приборную панель и ловлю себя на мысли, что если мы вот-вот погибнем из-за содержимого этой чертовой коробочки, у меня есть право знать, почему.

– Боюсь, я все еще не понимаю. Кого *именно* ты собираешься навестить?

Джек колеблется.

– Подругу, – наконец признается она. По тому, как она произносит слово «подруга», я примерно догадываюсь, в чем дело.

– Что за подруга? – осторожно спрашиваю я.

– Это сложно.

– Не сложнее, чем алгоритмы. Попробуй объяснить.

– Дело в том, что мы никогда... – начинает Джек, но у нее срывается голос. – Не встречались лично. Мы только... – Джек снова делает паузу, краснея. Она как будто разговаривает сама с собой.

– Только *что*? Господи, Джек! Не тупи!

Джек украдкой бросает на меня быстрый взгляд и тут же переводит его на дорогу.

– Мы только общались через «Вайбер».

– Через «Вайбер»?

– Да, мы разговариваем каждый день. Иногда два раза в день. Или даже три, – признается она слегка застенчиво.

– И где твоя... подруга живет?

– В Северной Финляндии. В общем, в Лапландии. Она кандидат наук, занимается антропологией в Институте арктических исследований.

Лапландия? Арктические исследования? Черт возьми, не ошиблась ли я насчет Джека?

– Как вы познакомились? – спрашиваю я.

– На сайте по собачьим упряжкам.

Меня распирает от смеха.

– Ты серьезно?

– Это не так странно, как звучит. Элоиза – тоже энтузиастка этого дела. И мы начали переписываться. Так, слово за слово...

– И к *чему* пришли?

Джек пожимает плечами.

– Сама понимаешь... к *чему*.

– А конкретнее? И как давно это продолжается?

– Довольно давно. – Джек смущенно поглядывает на меня. – Почти два года, – признается она.

– У тебя телефонный роман уже *два* года? – Я не могу скрыть изумления.

– Это не так уж долго.

– И вы никогда не встречались?

Джек колеблется.

– Ну, мы обе были заняты. И все складывалось так хорошо. Мы боялись... все испортить.

Встречей? Но, впрочем, кто я такая, чтобы судить других? Я жила бок о бок с бойфрендом, и мне довольно легко удалось *все* испортить.

– «Вайбер». – Я слегка хмурюсь. – Это же... просто разговоры? Или вы... еще чем-то занимаетесь?

Джез смеется.

– Не твое дело. – Она снова переключает передачу и, заезжая во двор «Собачьего уюта», паркует машину. Глуша мотор, она лукаво поглядывает на меня. – Прелесть «Вайбера» в том, что он на редкость универсален.

– Я даже знать ничего об этом не хочу.

– Не будь ханжой!

– Я *не* ханжа. – В моем голосе прорывается обида.

Это я-то ханжа? Ну, может быть. Немножко.

– Так ты... действительно не против, если я поеду? – спрашивает она.

– В Лапландию? Почему я должна возражать?

– Потому что это значит остаться одной на несколько дней. Вообще-то на несколько *недель*. А я обещала твоей маме присмотреть за тобой.

– Джез! Мне не пять лет! За мной не нужно присматривать. Что бы ни говорила моя мать! В любом случае, я здесь всего на пару дней. Как только получу добро от страховой компании, сразу вернусь в Лондон.

Джез улыбается.

– Спасибо, кузина. Ты – лучшая.

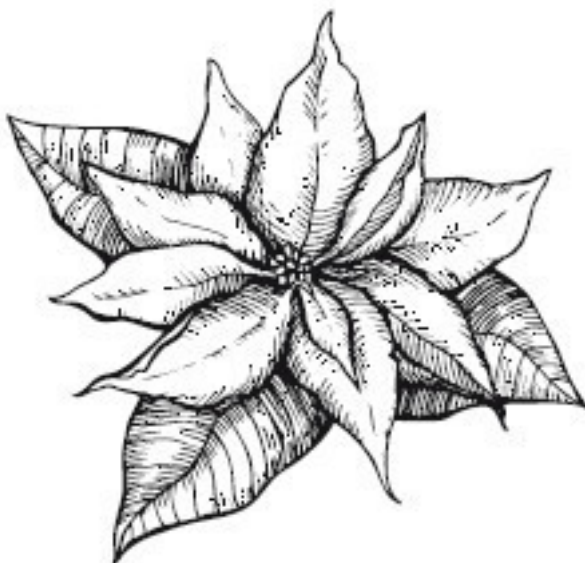
– А что ты будешь делать с собаками?

– Найму кого-нибудь. Здесь многим нужна работа.

Слава богу! Я была в ужасе от того, что она попросит меня помочь, но, при всей моей любви к Джез, не имела никакого желания провести Рождество с четвероногими. В конце концов, у меня свидание с Одри.

Мы могли бы даже вступить в связь через «Вайбер».

Глава 6

Виртуальный роман! Вот о чем я думаю, лежа ночью в постели. Такого я не могла себе представить даже в самых смелых фантазиях. Может, я и *впрямь* ханжа. Ирония в том, что, при всем моем нежном отношении к Джек, втайне я всегда считала ее деревенщиной. Это я — столичная штучка, занятая в ультрасовременной индустрии. А Джек — неотесанная любительница животных, с трудом зарабатывающая на жизнь в деревне. Но теперь я одинока, а у Джек развивается захватывающий роман в духе двадцать первого века с исследовательницей, работающей за Полярным кругом. Все это выглядит довольно гламурно и сбивает с толку. И, должна признаться, слегка будоражит.

Но это не для меня, думаю я, со вздохом переворачиваясь на другой бок. Я достигла совершеннолетия в эпоху интернет-знакомств и еще много лет назад решила, что онлайн-чаты — не моя стихия. В последние годы мои одинокие подруги в Лондоне поголовно стали одержимы сайтами знакомств *Tinder* и *Grindr*, но сама идея пролистывать аккаунты направо и налево, отстреливая неудобных, как Святой Габриэль²¹, кажется мне воплощением дурных манер. Впервые встречаясь с кем-то в реальной жизни, вы вынуждены из вежливости вступать в светскую беседу. Вы улыбаетесь, киваете и, возможно, мысленно списываете кандидата со счетов, но не прогоняете его одним движением пальца. В общем, я нахожу все эти поиски в Сети верхом расчетливости. Не говоря уже о натертых мозолях. Возможно, я — трус из двадцать первого века, но мое *внутреннее я* не приемлет такого. Впрочем, это не мешает мне завидовать Джек.

На следующее утро, когда я спускаюсь вниз, Джек уже вовсю хлопочет, собираясь в дорогу и отдавая распоряжения насчет собак. У нее куча дел, поэтому я предлагаю свою помощь в занятиях со Слэбом, Халк и Пегги на собачьей площадке. В кладовке я нахожу старый теннисный мячик, но очень скоро понимаю, что напрасно трудилась. Слэб явно не в состоянии ни увидеть, ни учуять мяч, а уж тем более принести его в зубах. А когда я бросаю мяч

²¹ Небесный покровитель стрелков.

Пегги, биглиха с громким хрюканьем просто заваливается на живот, как будто с нее довольно того, что она видела мой бросок. Наконец я поворачиваюсь к Халк, протягивая мяч.

– Что скажешь? – спрашиваю я. Собака осторожно подходит к мячу, обнюхивает его и чихает. Я бросаю его на несколько метров, и шпиц смотрит на меня как на умалишенную.

Когда мы возвращаемся с площадки, Пегги направляется напрямиком на диван и занимает привычное место, всем своим видом давая понять, что сделала огромное одолжение, сопровождая меня на прогулке. Я наполняю чайник, когда слышу стук в дверь кухни. Оборачиваясь, я вижу Крупного Рогатого Кэла в коричневой клетчатой рубашке и встречаю взгляд его безумно голубых глаз. Я подхожу к двери и открываю ее. Словно назло мне, он еще привлекательнее, чем я его запомнила. Кэл кивает в сторону моего виска.

– Как боевой шрам?

Я тянусь рукой к уху.

– Думаю, все в порядке. Впрочем, не уверена. Но я определенно вас слышу. Это уже кое-что.

– Пожалуй, мне стоит взглянуть. Как вашему лечащему врачу. – Он смотрит на меня, как будто ожидая разрешения.

Серьезно?

– Хм. Ладно. – Я подхожу чуть ближе и поворачиваюсь к нему боком, поднимая руку, чтобы убрать волосы. Кэл наклоняется ко мне, приближаясь почти вплотную. Осторожно подхватывая внешний край моей ушной раковины, он оттягивает ее вперед и внимательно всматривается.

Так ли уж это необходимо?

Некоторое время он молчит, но я чувствую, как от его дыхания встают дыбом волоски на затылке.

– Ну и как? – спрашиваю я.

– Все хорошо, – бормочет он. – Но я не специалист. Как ни странно, собачьи уши сильно отличаются от ушей человека, – замечает он и слегка тянет мое ухо вперед. – Во-первых, они мягче, – продолжает он. – И более гибкие. Не говоря уже о том, что покрыты шерстью. Кроме того, слух у собак гораздо острее, чем у нас.

– Так вы хотите сказать, что мои уши не выдерживают сравнения? Полный отстой?

– Ну да.

– Я не против собачьих ушей. Думаю, меня бы устроили... уши бассет-хаунда.

Он отстраняется и смотрит на меня с удивлением.

– Бассет-хаунда?

– Зачем иметь маленькие ушки, как у чихуахуа, если можно обзавестись роскошными длинными, толстыми и висячими? – Он косо смотрит на меня. Очевидно, принимает меня за сумасшедшую.

– Ваше ухо в полном порядке, – говорит он.

– Никаких рубцов не останется?

– Думаю, нет.

– Спасибо, доктор.

– Ветеринаров здесь не называют докторами. Мы в деревне не гонимся за модными титулами.

– Ладно. А как мне вас называть? – *Крупный Рогатый Кэл*, наверное? Он колеблется, словно читает мои мысли.

– Просто Кэл.

– Хорошо. Кэл.

– Что ж, вижу, ты не сбежала обратно в великую метрополию, – говорит он.

– Нет. Я все еще здесь. Еще не вкусила всех прелестей, которые может предложить сельский Девон, – беззаботно отвечаю я.

– И что же это за прелести? – Он прислоняется к косяку двери и вопросительно поднимает бровь, вынуждая меня перечислять.

– О, а то ты не знаешь. Взбитые сливки, скрампи²². . . – Я задумываюсь, отчаянно пытаюсь вспомнить, чем еще славится Девон.

– Красные Рубины?²³ – предлагает он.

– И это тоже, – киваю я. Хотя понятия не имею, едят красные рубины или носят их, но против цвета не возражаю.

– Только не в сыром виде, – советует он.

– Я люблю во фритюре, – несколько опрометчиво заявляю я. Крупный Рогатый Кэл самодовольно улыбается, словно вопрошая: *Неужели?* Я чувствую, как кровь приливает к лицу, и тотчас сожалею о своем комментарии. Кэл заглядывает мне через плечо.

– Кстати, а где Джез?

– На улице.

– Я обещал завезти ей это. – Он протягивает мне небольшой коричневый пакет. – Только пусть держит в холодильнике.

Я заглядываю в пакет, полагая, что там продукты. Но внутри дюжина крошечных белых пластмассовых формочек в виде конусов. Я поднимаю на него недоуменный взгляд.

– Суппозитории, – поясняет он.

– Ага. – Вид у меня, должно быть, слегка озадаченный.

– Они для *собак*.

– Я так и думала.

– Ну, конечно. Итак, как долго ты здесь пробудешь?

– Пока не знаю. Несколько дней?

Он кивает.

– Может, еще увидимся.

Я смотрю, как Крупный Рогатый Кэл садится в машину и отъезжает, снова даже не махнув на прощание. Манеры у него никуда не годятся, думаю я. И будет лучше, если я больше никогда его не увижу.

* * *

– Это была машина Кэла? – спрашивает Джез, заходя в кухню через несколько минут.

– Да. – Я протягиваю ей пакет. – Вот, оставил тебе. Велел держать их в холодильнике.

Джез заглядывает в пакет и кивает.

– Кстати, что такое красные рубины? – спрашиваю я.

Джез поднимает глаза.

– С чего вдруг ты интересуешься?

– Он предупредил меня, чтобы я не ела их сырыми.

– Красные рубины – это коровы, Чарли.

Я ухмыляюсь.

– Ну да, конечно.

После обеда я устраиваюсь на кухонном диване с томиком Агаты Кристи, сопротивляясь искушению посмотреть на телефоне сериал «Лучший повар Америки». К своему ужасу, я

²² Крепкий сухой сидр; популярен в юго-западной Англии.

²³ Древняя порода крупного рогатого скота из графства Девон, имеет ярко-красный цвет.

обнаруживаю, что у Джек нет телевизора, хотя в кабинете стоит довольно продвинутый компьютер. Но я обещала маме, что буду избегать ЖК-мониторов хотя бы в течение нескольких дней, поэтому приходится по старинке искать утешения в печатном слове. После двух глав я проваливаюсь в дрему (кто знал, что чтение бумажных книг настолько утомительно?) и, когда просыпаюсь, слышу, как Джек спорит с кем-то по телефону в кабинете. В ее голосе появляется все больше умоляющих ноток и настойчивости. В конце концов она швыряет трубку и через мгновение появляется в дверях, растерянная и как будто робеющая.

– Ты только что бросила трубку?

Джек проводит рукой по волосам.

– Не знаю. Может быть. – Она со вздохом плюхается в кресло.

– Что случилось?

– У меня на примете было пять человек, которым я хотела поручить присматривать за питомником. Но ни один из них не соглашается! Получается, что у всех на планете уже есть планы на каникулы. Где же эта молодежь, нуждающаяся в деньгах? Куда она подевалась, когда мне так нужны помощники?

Ой-ой-ой. Громкая сирена завывает на задворках моего мозга.

– Господи! Тут же нет ничего сложного! Справится и пятилетний ребенок, – бормочет Джек себе под нос. Она вдруг поднимает на меня взгляд и хмурится. – Сколько, ты говорила, проживешь здесь?

Я пристально смотрю на нее.

– Не так уж долго.

– Но меня не будет всего двенадцать дней.

– Джек, мне надо работать. Ты не забыла?

– Но это же праздники! У всех отпуск!

– Только не у меня. – Строго говоря, это ложь: мне предоставлена неделя отпуска на период между Рождеством и Новым годом. И я твердо намерена провести это время в своей квартире, свернувшись калачиком на диване в компании с Одри Хепберн, Грегори Пеком и Роком Хадсоном. Эгоистично? Что ж, считайте меня эгоисткой.

– Скажи своему боссу, что тебя мучают головные боли!

– Ему плевать. К тому же врушка из меня та еще, – заявляю я на голубом глазу. Одним словом, отвратительная, эгоистичная врушка. *Неужели она не может найти кого-то другого?*

– А что, если врач выпишет тебе больничный?

– Ты с ума сошла? Посмотри на меня. Я в полном порядке. Ни один доктор в здравом уме не даст мне больничный! Потому что я *не больна*. – Надеюсь, звучит убедительно.

Джек хмурится.

– Кое-кто в большом долгу передо мной, и он мог бы дать тебе справку, – медленно говорит она. Я недоверчиво поглядываю на нее.

– Джек, никто не окажет тебе *такую* услугу.

Она улыбается.

– Ты будешь удивлена.

– Ни в коем случае! – Крупный Рогатый Кэл напоминает разъяренного быка. Я всерьез опасаюсь, что у него из ушей вот-вот хлынет пар. Все происходит следующим утром, когда мы стоим в смотровом кабинете его маленькой операционной. Чтобы получить туда доступ, нам пришлось припугнуть администратора: толстуху средних лет в красно-зеленых сережках в форме рождественских венков, явно самодельных. *Может, так развлекаются в деревне?*

Кэл крепко держит в руках полосатую кошку, которую готовят к операции. У кошки уже выбрит живот, и напоказ выставлен жутковатый мешок сморщенной бледно-розовой кожи.

Неудивительно, что котяра выглядит смертельно униженной. Я не большая поклонница кошек, но не могу не бросить на нее сочувственного взгляда.

Никому из нас не нравится ходить бритыми, дорогая.

– Ну же, Кэл, ты мне *должен*, – умоляет Джек.

– Не так много, – говорит Кэл. – К тому же это не сработает.

– Почему нет? Ты же врач, не так ли? Ты выписываешь справки, верно? Что, тебе трудно написать письмо кому-то, кто находится за тридевять земель, и кого ты никогда в жизни не увидишь?

Кэл отворачивается и засовывает кошку в небольшую клетку в углу кабинета, после чего подходит к раковине, чтобы вымыть руки, агрессивно натирая их антибактериальным мылом, которое выдавливает из диспенсера, прибитого к стене. В очередной раз я невольно обращаю внимание на его невероятно мускулистые предплечья. С каких это пор у меня этот пунктик? Он тщательно вытирает руки и снова обращается к нам.

– Послушай, дело в том, что это мошенничество и нарушение врачебной этики. Слышала про клятву Гиппократата? Так вот когда-то я давал клятву ветеринарного врача.

Исключено, думаю я. Крупный Рогатый Кэл никогда не нарушит клятвы. На самом деле я согласилась пойти на эту авантюру только потому, что была уверена, что он откажется. И еще потому, что хотела увидеть его предплечья.

– Кроме того, – продолжает он, – оставлять собак с кем-то вроде нее просто... безответственно.

– Не смей меня, – говорит Джек. – Чарли прекрасно справится.

– При всем уважении, у твоей кухни нет ни малейшего представления о животных. И вдобавок ко всему она... – Он внезапно замолкает и бросает на меня взгляд.

Что? Меня задевают его слова. *Я что?*

– Безрассудна, – заканчивает он. На мгновение наши взгляды встречаются, и у меня перед глазами всплывает собачье колесо. *Справедливое замечание.*

– Кэл, ты даже не знаешь ее! – Джек явно обижена за меня.

Кэл переводит на меня взгляд, в котором читается: *Сама ей расскажешь, или это сделаю я?*

– Я знаю, что она не обладает должной квалификацией, чтобы присматривать за питомником, – вместо этого говорит он. – В самом деле, Джек, собаки заслуживают лучшего.

Эй, полегче! Собаки заслуживают *лучшего*? Может, я и безрассудна, и навыков у меня нет, и квалификации не хватает, но я умею распознать оскорбление, когда слышу его. Я расправляю плечи, гордо вскидывая голову.

– Я тебя умоляю, – говорит Джек. – Это же *собаки*, а не чистокровные скакуны-призеры. Мои питомцы только и делают, что едят, спят и какают. Думаю, она справится.

Кэл складывает на груди мускулистые руки и выжидающе поворачивается ко мне.

– Ну? – воинственно вопрошает он. – Справишься?

На какое-то мгновение я теряю дар речи. Не потому, что считаю, будто задача мне не по плечу, просто я вдруг вижу, как мой продолжительный отпуск с Одри испаряется на глазах. При том, что я решительно не хочу проводить Рождество за уборкой собачьих какашек, Крупный Рогатый Кэл только что бросил мне самую большую и самую толстую перчатку.

– Думаю, справлюсь, – невозмутимо отвечаю я.

– Отлично, – говорит он. – Только не прибегай ко мне в панике, если облажаешься.

Глава 7

Мой зловредный босс вовсе не в восторге. Возвращаясь в «Собачий уют», я звоню Карлу и сообщаю, что, скорее всего, смогу выйти на работу только после праздников.

– Ты серьезно, Чарли? А как насчет дедлайна по проекту «Желудь»? – Похоже, он взбешен. И в не меньшей степени подозрителен. «Желудь» – это шестимесячный контракт для лондонского совета Бромли²⁴, и с самого начала работа осложнялась политикой и склоками: из-за недофинансирования и нехватки кадров ее практически невозможно завершить в установленные сроки, и всем это известно. В прошлом месяце я предложила переименовать проект из «Желудя» в «Болиголов», но Карла это не позабавило.

– Я только что от врача, – продолжаю я. – Его беспокоит, что у меня может развиться ПКС.

– Что это?

– Посткоммоционный синдром. Химический дисбаланс в организме, вызванный травмой, – зачитываю я с листа. – Если я сейчас не поберегу себя, симптомы могут сохраняться в течение нескольких месяцев. – После всех жалоб и стенаний Крупный Рогатый Кэл слегка перегнул палку с медицинским заключением – думаю, пытался загладить вину. Он размахал заключение на две страницы, расписал все в красках, включая симптомы, вероятные причины и долгосрочные риски ПКС. Когда он вручил мне справку, я с трудом подавила желание сделать ему комплимент: *Мошенничество тебе к лицу!*

Карл на другом конце провода драматично вздыхает.

– Ладно, – рывкает он. – Но мне нужна справка от врача.

– Она у меня на руках, – выпаливаю я в ответ. – Я пришлю тебе по электронке.

– И, если твое состояние улучшится, я хочу, чтобы ты сразу же вернулась. Мы действительно по уши в дерьме с этим контрактом, Чарли. И твое отсутствие усугубляет проблему.

– Я знаю, Карл. И очень, очень сожалею.

И это правда, думаю я, нажимая отбой. Мне действительно жаль. Потому что из-за собственной глупой гордости я лишила себя шанса провести Рождество так, как планировала. Вот дуреха!

²⁴ Бромли – один из 32 лондонских боро (районов), находится во внешнем Лондоне.

Но тут я слышу, как Джек говорит по телефону в кабинете, и на этот раз ее голос звенит от радости, и мое сердце смягчается. Совершенно очевидно, что она разговаривает с Элоизой, и они обе на седьмом небе от счастья в связи с ее предстоящим визитом, так что я даже немного завидую им. Джек заслуживает своего романтического приключения в тундре. И, нравится мне это или нет, я проведу Рождество в компании Пегги.

Я читаю газету за обеденным столом, когда Джек возвращается в кухню и устраивается напротив меня.

– Кстати, Элоиза благодарит тебя, – говорит она.

– Рада помочь, – отвечаю я. *Щедрость мне к лицу.*

– И мне удалось уговорить хозяйку третьей собаки, которую должны были привезти на каникулы, отправить ее к нашим конкурентам.

– Отлично, – говорю я, не придавая особого значения. Одна собака или четыре – какая разница? У них у всех неприятный запах изо рта и плохие манеры за столом.

– Так что в гостинице остаются только Халк и Слэб, – продолжает Джек. – И Пегги в доме. – Она замолкает. – О, и близнецы, конечно, – добавляет она после паузы. Я поглощена чтением статьи о смертельных селфи, которые сегодня уносят больше жизней, чем акулы, когда до меня медленно доходят ее слова. Даже не столько слова, сколько интонации, отчетливо фальшивые.

Я поднимаю глаза, и Джек смотрит на меня с успокаивающей улыбкой.

И это тревожный звоночек.

– Какие еще близнецы? – спрашиваю я.

Как выясняется, близнецы размещены в отдельном загоне за сараем. Для меня это попадает утайкой информации, хотя Джек божится, что это не так. Когда мы сворачиваем за угол, я резко останавливаюсь, и ноги прирастают к земле. За домом тянется длинный, метров пятнадцати, железный вольер, украшенный крошечными белыми рождественскими огоньками. Впрочем, эти гирлянды несколько не маскируют обитателей вольера, которые лежат, лениво развалившись на траве, как будто дышат вечерним воздухом.

– Господи, Джек! Ты не говорила, что держишь волков!

Джек улыбается немного смущенно.

– Расслабься. Они только чуточку волки.

– Насколько *чуточку*? И в какой части? – не унимаюсь я.

– Хм. Я не совсем уверена. Но *одно* могу сказать: эти собаки почти такие же волки, как чихуа-хуа.

– Они чертовски не похожи на чихуа-хуа!

Когда мы подходим к решетке, обе собаки вскакивают с земли и пригвозждают нас к месту напряженными взглядами. Они поражают своей дикой, собачьей красотой – чего стоят их глаза миндалевидной формы, густая шерсть цвета угля и белоснежные хвосты, поднятые над спиной и развевающиеся как роскошный плюмаж. Мало того, у них безупречная осанка. Волчья.

– Дело в том, что *все* собаки генетически почти неотличимы от волков. Но эти двое волки не в большей степени, чем Пегги, если тебе от этого легче.

– Не совсем.

– Хотя они *действительно* немного дикие, – признается Джек с усмешкой. – Верно, мальчишки? – Обе собаки все так же молча наблюдают, как мы приближаемся.

– Что это за порода?

– Аляскинские маламуты. Ездовые собаки. Их ценят за силу и выносливость.

– Да, серьезные ребята. – Собаки высокие и широкие, с хорошо развитой грудной клеткой и мускулистыми плечами: собачий эквивалент небольших тракторов марки *JCB*.

– Привет, близнецы, – ласково говорит Джек. Она отпирает клетку, и я чувствую, как пересыхает во рту.

– Они не опасны?

– Безопаснее некуда.

– Тогда почему ты не пускаешь их в дом?

– Они предпочитают жить на улице. И занимают много места. И пахнут. Во всяком случае, три собаки в доме приравняют меня к этим *чокнутым кошатницам*. – Джек усмехается.

– Спешу тебя обрадовать: ты *уже* чокнутая кошатница.

Джек пожимает плечами.

– Может, и так. Это Ромул. – Один пес подходит к ней и трется об ее ноги, и Джек опускается на колени, нежно поглаживая его. Приближается и другой и, после недолгих колебаний, выходит вперед, подставляя голову и привлекая к себе внимание. – Привет, Рем.

– Серьезно? – Я искоса смотрю на нее.

Джек пожимает плечами.

– Мне кажется, им подходят эти клички. Они же выжившие. Однажды ночью, лютой зимой, Кэл нашел их на пороге своего дома. Им было всего четыре недели от роду. Это чудо, что они не замерзли до смерти. Он выкормил их, а потом передал мне.

Я делаю шаг вперед и опускаюсь на землю рядом с Джек. Осторожно протягиваю руку и дотрагиваюсь до меховой спины Рема. Эти двое совсем не похожи на Пикла и Пеппера, неохотно признаюсь я себе.

– Стало быть, Крупный Рогатый Кэл спас тебя, да? – бормочу я. Пес поворачивается и пронзает меня светло-голубыми глазами. Я смотрю на Джек. – Он кажется таким... сдержанным.

– Маламутов разводят отчасти из-за их уверенности в себе. Они считают себя несколько не ниже людей. Видят себя равными нам.

– Я даже не догадывалась, что они здесь. Когда же ты с ними занимаешься?

– По утрам. Пока ты еще спишь. – Джек кивает на хитроумное двухколесное приспособление, размещенное под навесом за вольером.

– Это что, двуколка?

– Это нарты – что-то вроде саней. Маламуты их обожают. Могут тянуть многие мили. Вот как я их тренирую.

У нарт два огромных колеса с обеих сторон низкого мягкого сиденья. Металлическая передняя дуга выступает наружу и крепится к своего рода оси, и спереди имеется небольшое сцепное устройство. Два комплекта упряжи ромбовидной формы висят рядом с нартами на деревянных кольшках.

– Это трудно?

– Ну, разве что для непосвященных. Бывает трудно в управлении. Хотя, признаться, главное – правильно запрячь, и тогда большую часть работы выполняют собаки. Но не обманывайся: нарты могут быть опасны, если не умеешь ими пользоваться, так что на время моего отсутствия лучше не суйся к ним.

– А что будет, если собак не тренировать?

Джек усмехается.

– Они могут стать немного раздражительными.

– Раздражительными настолько, что могут съесть своего опекуна?

– Нет, что ты. Они будут в порядке, если ты просто позволишь им несколько раз в день выходить в загон на пробежку.

Я продолжаю гладить Рема. В отличие от Пегги и Халк, в нем есть что-то завораживающее и смутно успокаивающее. *Вот кто мог бы стать роскошным ковриком*. Мне хочется

зарыться в его мех и спрятаться там. И, когда Джек наконец поднимается, я с некоторой неохотой следую за ней.

– Ну, что скажешь? – немного нервно спрашивает Джек, кивая на собак. – Ты готова присматривать за ними? – Я смотрю на Рема сверху вниз, и он снова завораживает меня своим ледяным взглядом.

– Конечно, – говорю я, пожимая плечами.

Ничего сложного.

На обратном пути к дому Джек объясняет, что утром уедет в Лондон, как только накормит и потренирует собак. У нее заказан билет на рейс из Хитроу в Хельсинки на следующий вечер, со стыковочным перелетом в Лапландию, так что она сможет провести несколько часов в городе, чтобы заняться рождественским шопингом и купить сногшибательное платье.

– Что нужно надеть, чтобы произвести впечатление на ученого из Арктики? – спрашиваю я.

– Одежду. Побольше и потеплее. Температура там может упасть до минус тридцати в это время года.

– Тогда возьми шерстяные штаны.

– Кто носит шерстяные штаны?

– Овцы.

Когда мы добираемся до кухни, Джек достает из холодильника коричневый бумажный пакет.

– Хм. Кстати, насчет свечек, – неуверенно говорит она, помахивая им.

Я подозрительно прищуриваюсь.

– А что насчет них?

– Кэл прописал их для Слэба.

– Конечно, он это сделал. Чтобы насолить мне.

– Честно говоря, в этом нет ничего особенного.

– Забудь. Ни за что на свете.

– Просто быстренько запиши в задний проход – и все дела! Как говорится, и Боб – твой дядя²⁵.

– Могу я напомнить тебе, что твоего отца зовут Арчи, и что я даже близко не подойду к собачьей заднице?

– Ну, пожалуйста!

– Ох, перестань, Джек. Разве нельзя просто дать ему немного чернослива?

Она качает головой, потом вздыхает.

– Ладно. Я тебе заплачу.

Я колеблюсь.

– Сколько?

– Двухнедельную стоимость содержания Слэба. Это будут самые легкие двести фунтов, которые ты когда-либо зарабатывала.

– Я не ослышалась – ты сказала «триста»?

– Ошибаешься.

– Двести пятьдесят?

– Двести. Бери или уходи. Валко из деревни сделает это бесплатно, так что смотри, не прогадай.

²⁵ Английская идиома «And Bob's your uncle», означающая гарантию успеха; восходит к XIX веку и истории молодого британского чиновника Артура Бальфура, сделавшего блестящую карьеру в политике благодаря протекции своего дяди, Роберта (Боба) Сесила, премьер-министра Великобритании. Дословно обычно не переводится; здесь такой перевод дан исходя из дальнейшего текста.

– Что за человек согласится делать это бесплатно?

– Отчаявшийся.

– Вот я – отчаявшаяся. И я бы не стала делать это бесплатно. Кстати, кто такой Валко?

И почему ты *его* не наняла присматривать за собаками?

Джез вздыхает.

– Валко – мой сосед, болгарин. И он не способен ни за кем присматривать. Меньше всего – за собой.

– Но почему? Что с ним не так?

– У него депрессия. Его невеста по переписке сбежала с другим, и он до сих пор не оправился от этого удара.

– Болгары заказывают невест по почте? Откуда? Из Америки?

– Из Молдовы. Во всяком случае, он изо всех сил пытается это пережить.

– И когда она сбежала?

– О, дай бог памяти. Месяца три назад, что ли?

– Так или иначе, что болгарин забыл в Кросс Боттомли?

– Кто знает? Валко объявился здесь в феврале прошлого года. С тех пор перебивается случайными заработками. Живет в трейлере, принадлежащем моей подруге. Так мы с ним и познакомились. Прошлой весной он помог мне установить кое-какие новые ограждения. – Джез потряхивает бумажным пакетом. – Так что, мы договорились?

Я вздыхаю.

– Ладно. Но не рассчитывай, что за эти деньги я буду заниматься еще и грумингом. Я и *себя-то* не собираюсь холить во время каникул. Не говоря уже о собаках.

– Согласна. И, что бы он ни говорил, если у тебя действительно возникнут проблемы, ты всегда можешь позвонить Кэлу.

– Ага. Не сомневаюсь, он будет в восторге от моего звонка.

– Поверь мне, он лает, но не кусает.

Мне совсем не хочется думать о его укусах. Честно говоря, я вообще не хочу думать о Крупном Рогатом Кэле. Этот парень меня бесит. И я вполне способна продержаться две благословенные недели, не поддаваясь мужскому очарованию! Я же не пятнадцатилетняя девчонка, жертва бушующих гормонов. Мне тридцать один год, я одинока и в высшей степени самодостаточна. Мне не нужны мужчины, и уж тем более мачо-ветеринары. Что мне действительно нужно сейчас, так это отвлечься: найти фокус для приложения энергии. И лучший вариант прямо под носом. Собаки! Пока Джез в отъезде, я кардинально поменяю привычный образ жизни и погружусь в царство животных. Вместо того, чтобы каждое утро сражаться с Пегги за диван, я найду общий язык со своим внутренним зверем.

Видимо, я не первая, кому пришла в голову такая идея. Тем же вечером, когда я гуглю на своем телефоне, мне попадают сотни сайтов, посвященных этой теме. Оказывается, существует великое множество способов укрощения внутреннего зверя: ходьба босиком, сон на голой земле, объятия с солнцем (что означает, среди прочего, отказ от солнцезащитного крема), ползание и катание по полу – и это лишь малая часть. Мне не очень нравятся первые два пункта – по крайней мере, не в разгар зимы, – но я вполне могу ради высокой цели кататься и ползать по полу, хотя, на мой взгляд, такая модель поведения присуща скорее детям, чем животным. И я не уверена, что мои перекаты по полу сблизят меня с Пегги, которая сейчас громко храпит на диване, очевидно, устанавливая контакт со своим внутренним человеком.

– Валко предложил помочь выгуливать собак, – говорит Джез, заходя в кухню.

– Ты, кажется, говорила, что ему нельзя доверять?

Она пожимает плечами.

– Ну, он способен отвести их в загон. И он хочет помочь. Поэтому, думаю, тебе стоит воспользоваться его помощью.

– А это обязательно?

– Да. Он так одинок, Чарли.

Я вздыхаю.

– Ладно. Постой, ты ведь не пытаешься свести меня с ним, а? – с подозрением спрашиваю я.

– Господи, нет!

– И на том спасибо.

– Он, в общем-то, неплохой парень. Во всяком случае, Валко – часть команды «Собачьего уюта». – Она исчезает в кабинете, и в голове снова воет сирена.

Кто еще в команде?

Вскоре я слышу, как к дому подъезжает машина. Джек высовывает голову из кабинета и выглядывает наружу через заднюю дверь. Она хмурится, накидывает пальто и выходит во двор на разведку. В следующее мгновение я мельком вижу, как она беседует с рыжеватым блондином возле темно-зеленого спортивного автомобиля с открытым верхом. И, хотя я не эксперт, автомобиль выглядит шикарно и стоит наверняка дороже, чем моя квартира. День солнечный, но все-таки зима на дворе, и мне интересно, какой псих будет ездить с открытым верхом в декабре? Я вытягиваю шею, чтобы лучше рассмотреть чудака, и, когда мужчина отодвигается, моему взору предстает огромная белая собака размером чуть ли не с пони, восседающая на переднем пассажирском сиденье. Я вижу, как хозяин показывает на собаку, и как Джек качает головой. Ясное дело, что бы он ей ни втохивал, она не поддается. Или наоборот. Я натягиваю пальто и выхожу на улицу как раз вовремя, чтобы услышать, как она повторяет свой отказ.

– Простите, сэр, но в это Рождество мы полностью загружены.

Мужчина оборачивается на звук моих шагов и устремляет на меня жалобный взгляд, способный растопить айсберг, но явно не Джек. И в этот миг я замечаю, что он не только в отчаянии, но и отчаянно *красив*, как будто соткан из самого изысканного генетического материала: высокие скулы, римский нос, золотистые светлые волосы. Усиливает эффект и безупречный прикид: красивое темно-синее пальто-бушлат и клетчатый кашемировый шарф только что не кричат о богатстве и породе.

Ни фиги себе!

Но Джек не просто равнодушна к его красоте: она раздражающе непреклонна. Она приносит извинения и снова качает головой. Я бросаю взгляд на гигантского пса, который сидит прямо, будто аршин проглотил, и смотрит на нас огромными немигающими светло-кариими глазами, преисполненный *королевского* достоинства.

– Обещаю вам, с ним не будет никаких проблем, – настаивает мужчина, пробегая рукой по волосам. – Это настоящий аристократ, а не пес.

– Да, сэр, все они такие, – говорит Джек, улыбаясь.

Но не у всех такие хозяева, как этот! Я с прищуром оглядываю пса и прихожу к выводу, что в нем, вполне возможно, течет голубая кровь. *И, в конце концов, одним четвероногим больше, одним меньше – какая разница?*

– Привет! – Я весело машу рукой.

– Я – Чарли.

Мужчина поворачивается ко мне с озадаченной, но полной надежды улыбкой. И боже! У него ямочки на щеках! Две очаровательные вмятинки с обеих сторон квадратной челюсти. Он протягивает мне руку, как будто тянется к спасательному кругу.

– Я – Хьюго. А это Малкольм. – Он кивает на собаку. – И мы действительно в отчаянии. Вы окажете нам неоценимую услугу.

С надеждой в глазах я поворачиваюсь к Джек и уже готова настаивать на том, что лишняя собака для меня не проблема, когда она снова качает головой.

– В любое другое время мы бы с удовольствием, – твердо говорит она. – Пожалуйста, рассчитывайте на нас в следующий раз. – И с этими словами она буквально усаживает несчастного красавца Хьюго обратно в машину, хлопает дверцей, отступает назад и провожает его взмахом руки. Бедолаге Хьюго ничего не остается, кроме как завести мотор и тронуться с места, запоздало махнув рукой на прощание. «Такие хорошие манеры, несмотря на горечь разочарования, – тоскливо думаю я. – Даже моя мама одобрила бы».

Когда автомобиль отъезжает, Джек поворачивается ко мне и качает головой.

– Ох уж эти владельцы датчан! Ведут себя так, будто им все позволено, черт бы их побрал.

– Он что, иностранец? Клянусь, он говорил по-английски.

– Пес. Датский дог.

– О! Но владелец казался милым, – осторожно замечаю я.

– Все они кажутся милыми. До поры до времени.

А выглядел он и того лучше, с грустью думаю я, глядя вслед удаляющемуся кабриолету.

Джек возвращается в дом, оставляя меня наедине с моими мыслями. Интересно, может, есть что-то такое особенное в местной воде, что объясняет магнетизм девонских мужчин?

Глава 8

Наутро, спускаясь к завтраку, я вижу около задней двери ярко-красную сумку на колесиках. Слышно, как Джек разговаривает в кабинете по телефону.

– Сожалею, но у нас все занято, – запальчиво говорит она. – Боюсь, до конца каникул свободных мест не будет. – Джек кладет трубку и в следующее мгновение чуть ли не вприпрыжку вбегает в кухню.

– Забавно, но ты *не выглядишь* так, будто сожалеешь, – усмехаюсь я.

– Она звонит уже в *третий раз*. Я уверена, что в последний раз она изменила голос, но это определенно одна и та же женщина.

– Упорство окупается.

– Только не сейчас! Черт возьми, она и сама может позаботиться о своей собаке! В это Рождество *моя* очередь отдыхать.

– Если путешествие на Северный полюс в разгар зимы можно назвать отдыхом.

– В Лапландию!

– Один черт.

– Только не для меня, – с лукавой улыбкой говорит Джек.

– Ладно, хватит этих непристойностей! Я еще даже кофе не выпила. – Я наливаю себе кружку и сажусь за стол, беря газету. Джек – сама активность: еще минут двадцать она вихрем носится по дому и наконец кидает передо мной пластиковую папку и связку ключей.

– Держи! Вот все, что тебе понадобится! Ключи от дома, псарни и «Шкоды», а еще список экстренных контактов – информация о владельцах собак, телефоны Кэла, врача, больницы, истопника, Джерри и Валко. Жди его. Он зайдет позже.

– Спасибо, – говорю я, возвращаясь к кроссворду. – Обязательно выучу наизусть все имена и телефоны, – добавляю я, хватаясь за карандаш.

– А вот список еды для каждого. На случай, если забудешь. – Джек протягивает мне распечатку, и я быстро пробегаю ее глазами, прежде чем поднимаю на нее взгляд.

– Моего имени здесь нет.

– Ты же не собака, – говорит Джек.

– Но мне тоже нужно есть, не так ли?

– В твоём распоряжении содержимое холодильника и морозильной камеры, – отвечает Джек. Она бросается к вешалке, снимает пальто с крючка и берется за сумку. Когда она снова поворачивается ко мне, ее глаза сверкают от возбуждения. – Ну, что? Пожелаешь мне удачи?

Я встаю и обнимаю ее.

– Конечно. И пусть удача будет настоящей леди, – добавляю я с ухмылкой.

Джек смеется.

– Но не *слишком* леди.

– Довольно! Убирайся, пока я не передумала насчет суппозиторий.

– Счастливого Рождества, – говорит Джек.

– Иди уже.

* * *

Когда Джек исчезает, я снова сажусь за стол и поглядываю на Пегги, которая спит на своем привычном месте на диване.

– Эй. Похоже, теперь в доме только ты и я.

Бигль открывает один глаз, смотрит на меня и снова зажимается.

– Ну, и что ты думаешь? Нам стоит выйти на прогулку?

Бигль поворачивает массивное тело, вытягивая перед собой передние лапы.

– Слово из семи букв, начинается на «Б», означает «отвергать»?

Пегги тяжело вздыхает.

– Если ты хочешь, чтобы наши отношения наладились, тебе нужно вложить в них чуть больше энергии, – говорю я. Глаза Пегги по-прежнему плотно закрыты.

Я снова смотрю в кроссворд, и догадка кусает меня, как змея. Мне нужен глагол, а не существительное.

И этот глагол – *бросать*.

Позже, тем же утром, я еду на «Шкоде» в деревню за продуктами. В мои планы входит закупка двухнедельного запаса снеков, шоколада, выпивки и замороженных блюд, чтобы потом залечь перед телевизором, пока Рождество не станет далеким воспоминанием. Единственная засада – это телевизор, а вернее, его отсутствие. У меня нет никакого желания все праздники смотреть повторы сериалов на телефоне. Поэтому, после некоторых колебаний, я принимаю решение потратить весь свой навар от ухода за задницей Слэба на покупку телевизора, который заказываю с доставкой на следующий день. Кто бы мог подумать, что широкоэкранный тонкий светодиодный телевизор со встроенным wi-fi и тюнером *Freeview* доставят до вашей двери быстрее, чем вы успеете разгадать кроссворд в *Sunday Times*? Нет, все-таки мы живем в веке чудес.

После разгульного онлайн-шопинга я еду в деревенский магазин, где паркую машину прямо у дверей, и, заходя внутрь, киваю девочке-подростку за кассой. С некоторым облегчением я отмечаю, что пирсинг бровей и фиолетовые волосы наконец добрались и до сельского Девона, пусть даже с опозданием на несколько десятилетий. Я беру проволочную корзину и брожу по рядам, затариваясь чипсами, конфетами и шоколадом всех мастей. Выбор, правда, невелик, и в магазине нет моих любимых сладостей (как местные *выживают* без *Ferrero Rocher*?), но мне удастся наполнить корзину в считанные минуты. Оставляя ее у кассы, я отлучаюсь, чтобы прихватить чилийского шардоне и несколько коробок замороженной пиццы с пепперони и каких-нибудь мясных пирогов для разнообразия. Возвращаясь к кассе, я замечаю полку с уцененными шоколадными оленями на палочке и инстинктивно набираю горсть. *Кто скажет, что во мне нет духа Рождества?*

Завершая рейд, я, кряхтя, взваливаю обе корзины на прилавок и оглядываю добычу, отмечая, что поработала на славу. Даже мой босс гордился бы мною, думаю я. Но кассиршу с фиолетовыми волосами это, кажется, не впечатляет.

– Вам нужны пакеты? – спрашивает она, едва пытаясь скрыть скуку.

– Зависит от того, позволите ли вы мне вынести корзины к машине. – Я излучаю самую обаятельную улыбку, но девушка невозмутимо тянется рукой под прилавок и достает оттуда пачку экологически недружественных голубых полиэтиленовых пакетов.

– Они по двадцать пенсов, – говорит она. Сущее вымогательство, но я киваю и начинаю разгружать корзины. В следующее мгновение я слышу звук подъезжающей машины и, поднимая взгляд, вижу, как у входа останавливается потрепанная синяя «Вольво». *Ой-ой*. Меня слегка лихорадит, когда Крупный Рогатый Кэл выходит из машины и направляется в магазин. Я смотрю на свои покупки: они явно не годятся для рекламы здорового образа жизни. Я судорожно запихиваю их в пакеты так быстро, как только кассирша сканирует ценники. Я хватаю большой пакет жевательных мишек, но девушка внезапно протягивает руку и отбирает его у меня.

– Подождите, – говорит она, – мне нужно проверить цену на этот товар. – Она встает из-за кассы и направляется к полкам с конфетами, как раз когда Кэл заходит в магазин. Я тотчас ныряю вниз, под прилавок, делая вид, будто завязываю шнурок. Кэл проходит мимо и исчезает в секции молочных продуктов. Вскоре возвращается кассирша с пакетом мишек в руках.

– Они стоят один фунт девяносто девять пенсов, – говорит она. – Вас устраивает?

– Вполне. – Я засовываю мишек в полиэтиленовый пакет и, поворачивая голову, вижу, что Кэл идет в мою сторону с литровой бутылкой молока. Он смотрит в телефон и пока не видит меня, но, когда подходит к кассе, поднимает глаза, и что-то мелькает на его лице. Не могу сказать, то ли удивление, то ли досада, то ли все вместе.

– Как ПКС? – спрашивает он после некоторой заминки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.